

РИНА
БЕЖ

СУЛЕЙМАН
Я ВЫБРАЛ ТЕБЯ

Рина Беж

Сулейман. Я выбрал тебя

<https://litres.ru/74206807>

Аннотация

♥#- Маша, прости меня... - Вот так просто, да, Сулейман? Пришел, извинился, и Маша-дура всё простит? Даже насили... - не могу договорить, больно. До сих пор больно. ***** Он вернулся спустя три с половиной года тишины, чтобы вновь заявить о себе и выиграть чемпионат, чтобы свести меня с ума и перевернуть жизнь с ног на голову. Сулейман Султанов. Сильнейший боец, выдающийся спортсмен, а до кучи высокомерная наглая рожа и отменный кобель. У меня есть причины его ненавидеть за то, что он со мной сделал, даже если он считает по-другому.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	77
Глава 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

♥#- Маша, прости меня...
 - Вот так просто, да, Сулейман? Пришел, извинился, и Маша-дура всё простит? Даже насили... - не могу договорить, больно. До сих пор больно.

 Он вернулся спустя три с половиной года тишины, чтобы вновь заявить о себе и выиграть чемпионат, чтобы свести меня с ума и перевернуть жизнь с ног на голову.
 Сулейман Султанов.
 Сильнейший боец, выдающийся спортсмен, а до кучи высокомерная наглая рожа и отменный кобель.
 У меня есть причины его ненавидеть за то, что он со мной сделал, даже если он считает по-другому.

ОДНОТОМНИК

– Иииииииии-таааак... Да-а-амы и господаааа! Встреча-а-айте, в красно-о-ом ууу-глуу ринга... трехкратный чемпион-о-оон...

Под убойный трек DMX мега заводной ведущий рвет глотку, объявляя нового участника, но я его почти не слышу. Вглядываюсь в парня, который уверенной походкой спускается на ринг по подсвеченному ярким лучом прожектора лестничному проему.

Его лицо скрыто под капюшоном короткого черного шелкового халата, и все, что попадает в видимость, это темно-красные спортивные шорты с белым логотипом и такого же цвета майка. Форма нисколько не скрывает V-образной будто выточенной из камня фигуры, литых мышц и рельефного пресса.

Взгляд невольно спускается к его ногам: длинным и мускулистым, с характерными выступающими венами на икрах. А затем вновь вспархивает вверх, фокусируясь на руках: упругих бицепсах и крепких кулаках.

Мужские руки – мой фетиш со времен увлечения студенческой качалкой, и сейчас я не могу перестать их разглядывать.

– ...в весовой категории до восьмидесяти одного килограмма...

Вопли ведущего оглушают.

Вжимаю голову в плечи и прищуриваюсь, будто это поможет убавить громкость, закладывающую уши. Но в следующую минуту каменею.

– Сссулеймааан Султаааанов!

Твою мать!

Нет!

Дыхание перехватывает, а легкие начинают гореть от нехватки кислорода.

Этого не может быть! Только не он. Я же сама печатала списки участников. Никого похожего с такой поганой фами-

лией и именем рядом не стояло.

Ладно, на счет имени и фамилии перегибаю, не виноваты они, что достались мерзкому козлу... но сам факт.

Султанов пропал три с половиной года назад. Испарился. И вот... снова тут?

«Какого хрена?» – хочется заорать во все горло.

Но вряд ли меня поймут.

Я сижу за угловым судейским столом рядом с «крутыми дядьками в пиджаках» и уверена, они не оценят мое выступление также высоко, как бойцов.

Опускаю руки на колени и сжимаю кулаки с такой силой, что дешевая пластиковая ручка прогибается и скрипит. Мысленно считаю от двадцати до нуля, стараясь вернуть самообладание.

– Маш, у тебя всё в порядке?

Чужая ладонь ложится на плечо, заставляя вздрогнуть и дернуться.

– Голова болит? Дать таблетку? – участливо интересуется Соколов, стоит поднять голову.

Председатель комитета по физической культуре и спорту региона, а также мой непосредственный начальник по совместительству – отличный и понимающий мужик. Но из-за довольно внушительных роста и габаритов многие боятся этого совсем незлого дядьку.

– Нет, Егор Саныч, спасибо, не нужно.

– Ладно, как знаешь. У тебя все, кто должен, расписались?

– переключается шеф на рабочие моменты, нависая со спины, чтобы увидеть документы.

Да, я пришла сюда не ради мордобития, по которому все присутствующие явно сходят с ума, а по службе. Собрать подписи всех победителей в боях, которым чуть позже вручат ценные призы и награды.

Кажется, вот нафига?

Ан, нет, чтобы нашему комитету после без проблем отчитаться по расходам бюджетных средств, бухгалтерия требует и вот такие «важные» бумажки.

– Да, все. Я так понимаю, это последний бой? И он не был заявлен.

Тыкаю в бланк, где список участников уже подошел к концу.

– Не был, – соглашается Саныч, – Сулейман дал подтверждение в последний момент. Поэтому внеси его данные от руки. Лады?

– Внесу, если он победит, – не скрываю ехидства в голосе.

– Маш, я тебя умоляю. Не смейся. Это же Сулик.

Саныч легонько хлопает по плечу и уходит на свое место за главным столом. Я же вновь «возвращаюсь» глазами и ушами в зал и поражаюсь неугомонности присутствующих. Они, словно подслушав Соколова, начинают неистовствовать и скандировать.

– Сулик!!! Сулик!!! Сулик!!!

– Сулиииик! Братан! Ты лучший, чувак!!!

– Давай, Сулик!!! Вмажь ему!!! Я за тебя!

– Сулиииик!!! – ревет толпа друзей и ярых болельщиков.

Почти четыре года он отсутствовал на ринге, и тут было вполне тихо и мирно. Но вот вернулся, и народ словно сошел с ума.

– Сулейман! Я тебя люблю!!! Ты мой герой!!! – вопит какая-то ненормальная, проталкиваясь к рингу.

Толпа расступается и с интересом ждет продолжения.

«Давай, ещеними лифчик и кинь ему в лицо», – советую ей мысленно, вспоминая какой-то фильм про бои без правил.

К моему счастью и разочарованию разогретых боями самцов, фигуристая красотка не слышит посылы и всего лишь начинает прыгать, как мячик, совершая странные телодвижения, и размахивать какой-то блестящей фигней в руках.

М-дааа... Тяжелый случай...

Прикрываю нижнюю часть лица ладошкой и помимо воли улыбаюсь, отмечая с каким интересом мужики следят за большой грудью, «прыгающей» вместе с хозяйкой.

«Что, Сулик, доволен? Ты же всегда был отменным кобелем и красивых баб никогда не пропускал», – кидаю в никуда безмолвный вопрос.

Перевожу взгляд в сторону красного угла ринга, чтобы в этом удостовериться, и замираю.

Ох, твою же мать.

Темно-карие, сейчас кажущиеся черными бездонными

провалами, глаза глядят не на красотку, а на меня.

Покачиваясь на носках, Султанов смотрит прямо и открыто, игнорируя абсолютно всех. Смаргиваю наваждение, ведь этого не может быть, и хмурюсь, когда не выходит «сменить картинку».

Я никогда не видела, чтобы он улыбался, но дрогнувшие уголки губ и золотые вспышки во взгляде заставляют думать, что именно это он сейчас и делает. Улыбается мне.

Что бы ты там не замыслил, Султанов... даже не думай!

Открытый турнир продолжается. Как и шоу одного актера, а именно заводного конферансье. Под пульсирующее ритмом музыкальное сопровождение он, эффектно растягивая гласные и жестикулируя, объявляет нового участника.

Впервые за сегодняшнее мероприятие я замираю, не моргая, и перестаю слышать шум толпы, потому что на ринг спускается соперник Сулеймана: лысый качок, напоминающий огромного шимпанзе, с хищным оскалом, наглым прищуром и двумя хвостиками на... рыжей бороде.

Же-е-есть! Вот это волосатая горилла!

Кривлюсь, словно лимон надкусила, когда «синий» участник скидывает халат, демонстрируя рыжие кудри не только на груди и в подмышках, но и на плечах со спиной.

Гора мышц скалится, обнажая крупные зубы, и осматривает приветствующую его толпу. Я же начинаю все больше

нервничать за предстоящий бой.

Ну, Султанов! Как же ты меня бесишь!

Еще пятнадцать минут назад я сидела и с большим интересом изучала дефекты напольного покрытия и логотипы на пластмассовых ручках, закупленных в таком количестве, будто их собрались дарить вместо поощрительных призов проигравшим, чем бои спортсменов и перекошенные от возбуждения лица беснующихся мужчин и женщин.

Смотрела куда угодно, только не на ринг.

Как людям вообще может это нравиться? Когда два человека сознательно причиняют друг другу боль, ранят и калечат. Каждый удар на ринге я проживаю собственной кожей. И каждый раз вздрагиваю и морщусь, когда трибуны взвиваются в восторге, приветствуя зрелищный мордобой и требуя добавки.

Если бы не рабочая необходимость, ноги моей тут не было.

А если бы знала весь список участников, так тем более.

Красный и синий бойцы отталкиваются от канатов. Сближаются и прожигают друг друга изучающими взглядами, пока рефери что-то им тихо втирает. Естественно, они досконально знают каждое слово шуплого мужичка, но правила, есть правила. Кивок подтверждает, что информация услышана.

– Это будет эффектный бой. Сулейман точно захочет покрасоваться перед публикой, чтобы побольше напомнить о

себе, – слышу негромкий комментарий одного из судей.

– Когда-то он был хорош, – соглашается с ним второй. – Интересно, не растерял ли свой пыл за несколько лет?

Не растерял.

Делаю вывод через пару минут, наблюдая за Султановым. Он легко перемещается по рингу, молниеносно наносит серию ударов и сразу отступает. Дразнит соперника и изящно уворачивается от нападения. Словно предугадывает каждый грядущий удар и уклоняется за долю секунды до того, как тот будет сделан.

– Что я говорил? Красава! Посмотри, как он двигается, – в порыве эмоций хлопает себе по коленям сосед слева.

Дергаюсь и вновь сосредотачиваюсь на ринге.

От нервного напряжения сбивается дыхание, сводит мышцы шеи, а кожа покрывается мурашками. К счастью, длинные рукава шелковой рубашки скрывают недоразумение.

Рыжебородый горилла пропускает несколько ударов по ребрам, после чего свирепеет и начинает активнее переходить в нападение. В его перекошенном лице столько агрессии и животной ярости, что мне становится страшно. Почему-то кажется, будь у него возможность убить соперника, он бы не преминул этим воспользоваться.

– Почему Султанов тянет? Он что, играет с ним? – вырывается у меня помимо воли. – Он же может это быстро закончить.

– Конечно, может, – на лице разговорчивого соседа расплывается улыбка Дракулы, – но это же еще и шоу. Публика желает зрелища, и он дает им это. Смотри, как они возбуждись.

Цокает языком еще один любитель мордобоя.

– Тоже мне, мистер Виагра, – шиплю сквозь зубы, боясь лишний раз моргнуть, чтобы не пропустить финал.

Но в этот момент «синий» громила выбрасывает вперед руку и наносит удар по открывшемуся левому боку «красного».

Прикусываю губу, чтобы подавить крик отчаяния, и зажимаюсь. Накрывает ощущением, что сердце из груди скачком перепрыгивает в горло и шпарит уже в нем, мешая дышать, а фантомная боль разливается в том месте, куда пришелся удар Сулейману.

– Придурок чертов! Хватит павлиний хвост распушать! – рычу, сжимая кулаки и потирая грудь в области сердца. – Добей ты его уже!

Султанов не может меня слышать, но каким-то шестым чувством словно улавливает посыл и резко оборачивается.

Опять этот тёмный взгляд глаза в глаза.

Время будто замирает.

«Что ты делаешь, идиот?» – воплю мысленно, не разжимая губ, и лишь качаю головой.

Воспользовавшись тем, что противник отвлечен, рыжебородый делает резкий выпад вперед и... я в очередной раз

не успеваю уловить молниеносное движение руки Султанова, рассекающей воздух.

Глухой удар, мимолетное удивление в глазах гориллы, восторженное аханье зала, тяжелый грохот падающего тела... всё это тонет в гулком шуме крови, что накатывает мощной волной.

Нокаут.

Справился.

Я не до конца понимаю, что за головокружительное чувство током проходит через все тело. Точно ни радость и ни восторг. Скорее, странная смесь из чистейшего адреналина, облегчения и гордости за Султанова. Словно я тоже имею к нему какое-то отношение.

Полный бред!

Встряхиваю головой, выкидывая из нее глупости и, вздернув подбородок, с самым независимым видом наблюдаю, как рефери поднимает руку победителя, а бестолковое сердце предательски млеет, потому что темный взгляд Сулеймана направлен прямо на меня, и его губы отчетливо произносят:
– Для тебя.

Глава 2

– Гооо-ооо-ооол! Сеерёёёёёга, гооо-ооо-ооол! – оглушают меня вопли Вадима, стоит открыть дверь и переступить порог квартиры.

Все мысли о Султанове, которые то и дело самовольно крутились в голове, пока я сорок минут пешочком добиралась от спортклуба до дома, мгновенно улетучиваются.

Правильно, какой Сулейман, какие жгуче-карие глаза, заставляющие поджилки вибрировать, а руки трястись, что еле-еле смогла бланк на победителя заполнить, какое «Для тебя» и улыбка на всегда серьезном лице, какое прошлое, когда дома есть своё настоящее?

– Урррраааааа! Ваааадяяя! – горланит еще один голос, в котором без труда узнаю Мельникова, сослуживца моего Кравцова по автосервису.

А следом раздается довольно звонкий стук стекла о стекло.

«Да блиин, опять что ли пьют?», – кривлюсь, уже догадываясь, что будет дальше.

Скидываю пальто на кресло и наклоняюсь, чтобы расстегнуть сапоги. Обувь сразу убираю в шкаф. Уж лучше спрятать заранее, чем два орангутанга ее не заметят и раздавят своими граблями сорок пятого размера, когда пойдут курить в коридор.

А они пойдут, тут к бабке не ходи.

Сначала как следует накачаются пивом и будут выползать курить каждые полчаса, а потом надерутся до кондиции «море по колено» и вообще каждые десять минут станут бегать, таская за собой хвостом жуткий сигаретный смрад.

Вот тебе и суббота. Вечер.

Отдохнула, называется.

Черт!

Я так надеялась, что приду домой, растянусь на диванчике и тихо-мирно посмотрю какой-нибудь слащавый фильм на ноутбуке, как белый человек. А Вадиму предложу в этот раз обойтись пельменями. Уверена, за день без любимых пюре и котлет он не оголодает. Потому что я тоже устаю и хочу расслабиться.

Закатываю глаза. Делаю глубокий вдох, печально выдыхаю, морально готовясь ко всему и сразу, и захожу в комнату, совмещающую в себе и гостиную, и спальню, и гардеробную.

Так сказать, всё в одн...ушке.

– Привет, – обозначаю своё присутствие и растягиваю улыбку, прислоняясь к дверному косяку.

– Ооо, твоя пришла.

Мельников замечает меня первым и локтем толкает Кравцова, спеша предупредить. От души так толкает, практически выбивая у того из рук бутылку с пивом.

– Да, бл..., Серега, аккуратнее, – озвучивает и мои мысли Вадим, – футболка почти новая.

На футболку мне, если честно, пофиг, у него этих новых футболок, хоть ж...пой ешь, а вот за диван обидно. Я его всего три месяца назад купила, когда вместо дополнительного отпуска получила компенсацию.

И нюхать пивную вонь, лежа на плюшевой прелести, желания не имею.

– Привет, Машка, – стряхнув капли с одежды, обращает на меня внимания мой молодой человек. – А ты чего так рано?

Удивляет интересным вопросом.

– Рано? – интонацией и приподнятой бровью всячески даю понять, что Кравцов слегка погорячился.

А потом сдаюсь и киваю в сторону окна, где уже во всю светят фонари, потому что темнота, хоть глаз выколи.

– Седьмой час уже.

– Да-аа? Как быстро время летит. А мы вот с Серегой решили после работы немного посидеть, расслабиться, – рассказывает мне уже «веселенький» Вадим о том, что я и сама вижу.

Прищуриваюсь и убеждаюсь, что да, не ошиблась, хорошо веселенький, судя по шести пустым бутылкам, заныканным под журнальный столик.

– Маш, а приготовь нам чего-нибудь горячего. Котлеток там пожарь... – взмахивает рукой Кравцов в сторону кухни, – есть охота.

И лицо при этом кривит умилительно-просительное.

Вот только меня ни разу не тянет ни умиляться, ни поддаваться на уговоры, ни бежать и ляпать котлетки.

Охренеть, дожили.

– Вадик, у тебя пицца заказана, – киваю на стол, где помимо выставленной батареи из целых бутылок лежат две коробки из-под пицц. – Думаю, с голоду вы не умрете, а я тоже устала и хочу отдохнуть.

Все еще сияя искусственной улыбкой, подмигиваю обоим оккупантам моего любимого дивана и направляюсь к шкафу, чтобы найти себе спортивный костюм и переодеться. Ходить дома в шелковой блузе и юбке-карандаш как-то не комильфо.

– Она холодная уже, – летит в спину недовольный комментарий Кравцова, – а если разогреть, то вкус уже будет не тот.

Пипец!

Сейчас разрыдаюсь с горя.

Прикусываю губу, чтобы не выдать мысли в слух, иначе поругаемся, и молча достаю все, что необходимо.

– Маш, чего глухую-то разыгрываешь? Слышишь, что говорю? – не угованивается Вадим.

– Слышу, но готовить не буду, – озвучиваю свое решение, развернувшись к разошедшемуся мужчине.

Ну надо же как Кравцова взял отказ, даже про обожаемый футбол забыл! Когда бы такое было?

Хоть красным фломастером дату на календаре обводи.

– Ну ты же себе ужин готовить будешь? – решает задавить меня аргументами Вадим. – Так и нам заодно.

Вот только зря старается. Я скорее на диету сяду, чем стану теперь готовить. Терпеть не могу, когда меня на публику отчитывают. Еще и по фиг пойми какому поводу.

– Неа, чай только попью, – выдаю с улыбкой, от которой уже скулы сводит, и ухожу в ванную.

В последние недели Вадим зачастил вот с такими посещениями. То друзья с работы, то друзья со школы, то сокурсники, то хорошие клиенты.

Господи, когда они уже кончатся?

Я дома не чувствую себя хозяйкой, не могу расслабиться и заняться тем, что хочу я, потому что практически всегда делаю, что хочет Вадим.

А сегодня всё. Батарейки сели, электричество кончилось и мое желание прогигаться тоже где-то потерялось.

Баста!

Хочет есть – пусть идет и готовит. Хоть сам, хоть на пару с Мельниковым. Вон, как в битве поваров. Мне не жалко.

Главное, от меня пусть отстанут.

Повозмущавшись и мысленно проговорив все свои претензии, выдыхаю и выхожу из ванной, чтобы сразу упереться носом в широкую грудь Кравцова.

– Значит, ты моих друзей не уважаешь? – выдает пьяное чудо, нависая сверху.

И, судя по внешнему виду, плохой устойчивости на но-

гах и сильно заплетающемся языку, за пятнадцать минут он успел приговорить еще как минимум бутылку.

– Вадим, отстань от меня, пожалуйста, – решаю прекратить намечающуюся ссору, ну, что с пьяного дурака взять? – пришел с другом, вот и иди, отдыхай с другом. И я тоже хочу отдохнуть.

– От чего отдохнуть? – летит ехидное в ответ. – От того, что на жопе весь день сидишь? Где ты устала? Задницей перед мужиками крутить?

Кравцов распаляется все больше, и я не придумываю ничего лучше, чем шмыгнуть в ванную и запереть за собой дверь.

– А-ну открой! – летит бешеный вопль, а следом раздаются два удара кулаком по деревянному полотну. – Кому сказал?!

Слава богу, дверь из цельного дерева, а не картонная, как теперь любят ставить.

Опускаюсь на пол и, прислонившись затылком к стене, прикрываю глаза.

Отдохнула в субботу, нечего сказать.

Ужасно хочется принять душ. По-хорошему, я бы и в ванну часа на два занырнула, раз мне такую шикарную возможность предоставили, но боязно.

Вдруг Вадим опять про котлеты вспомнит и все-таки при-

дет выламывать дверь? А тут я, голая и без еды.

Нет уж, перетерплю. Хотя...

Да гори оно всё.

Мало того, что голодная, так еще и немытой оставаться?

Ни за что.

Перевешиваю раскрытое на всякий случай полотенце на перекладину, прислушиваюсь к нестройным воплям Кравцова с Мельниковым, убеждаюсь, что те вновь увлеклись матчем и во всю чихвостят «кривоногих» футболистов, и потихоньку начинаю раздеваться.

Под лейку заскакиваю, чувствуя себя зайцем в стане волков. Даже воду не особо регулирую, главное, чтоб не ледяная и не кипяток, остальное – стерпится.

Дожила.

В собственной квартире дергаюсь больше, чем на госэк-заменах в университете.

Нет уж, фиговая это практика, и пора ее исправлять, расставляя приоритеты.

Еще неизвестно, на что Вадим сподобится, когда до состояния полного нестояния дойдет. А вдруг до рукоприкладства?

Агрессию он проявил впервые, не отрицаю, но звоночек-то тревожный. И сильно. Повторения не хотелось бы, однозначно, потому как не понравилось.

Я на сто процентов не из тех женщин, которые веруют, что «раз бьет, значит, любит». По мне, раз бьет, значит статьи

111, 112, 115 и 116 УК РФ, и ни шагу в сторону. Быть грушей для мудака желания нет.

Как по мне, нормальный мужик самоутверждаться за бабий счет не станет. Ему это даже в голову не придет.

Вода помогает снять напряжение, и борт ванны перешагиваю уже вполне успокоившись. Переодеваюсь в спортивный костюм и, осмотревшись, вновь усаживаюсь на пол. Он теплый, да и забираться на стиральную машину, где скопилась всякая мелочевка, которую еще придется расставлять по полкам, лень.

Шестидневная рабочая неделя и неожиданная встреча, выбившая из колеи похлеще вечернего выступления Кравцова, дают о себе знать. Тело просит отдыха, вот только в маленьком помещении ноги особо не вытянешь.

Сгибаю колени и, сложив руки на груди, облокачиваюсь на запертую дверь. Негромкое гудение вентилятора на вытяжке действует лучше гипноза, и я сама не замечаю, как мысли перескакивают в прошлое.

В спорткомитет при администрации я устроилась сразу после университета, где, кстати, училась на юриста, на должность младшего специалиста из разряда «подай-принеси».

Да и как устроилась, по знакомству.

Мамуля договорилась. Она у меня дама пробивная. Умеет налаживать нужные связи. Вот так в двадцать один год я стала «крутой леди».

Смешно вспоминать, но я действительно чувствовала себя умницей, особенно, когда спустя десять месяцев занимаемую мною должность сократили, а меня нет. Перевели доп-единицей в отдел Соколова, как ценный резерв, которым нельзя разбрасываться.

Ух, как же я в те времена понервничала на пару с мамой. Зато батяня не унывал, посмеивался в усы и всё твердил:

– Не ссы, Марусь, если что, тебя Палыч к своей Люське в салон устроит. Будете ногти с ней на пару делать. Она, Палыч говорит, бабки лопатой гребет за свои художества.

– Юристка ногти делать? Обалдел? Дима, иди на диван и не отсвечивай, – взвивалась бешеной кошкой маман и выгоняла отца в гостиную.

А я улыбалась и продолжала работать. Да и сейчас тружусь все там же.

С Соколовым рабочие отношения сложились сразу и вполне прекрасные. Я с полуслова понимала, что он хочет получить и выполняла, а он никогда не выпячивал свой статус начальника, отчитывал за косяки пусть редко, но всегда наедине, зато на планерках неизменно хвалил, да и прикрывал постоянно, если умудрялась проспать или нужно было свинтить к врачу или по делам.

Классный мужик, и семьянин, каких мало. За шесть лет совместной работы успела перезнакомиться и с женой Людочкой, и с Пашкой, старшим сыном, и с Витьком, младшим.

К работе на соревнованиях Егор Саныч стал привлекать

меня не сразу. Только года через полтора, когда уволилась Светлана. Вначале занималась лишь списками, положениями, приказами и прочей бумажной волокитой, в которой разбиралась. Потом стала ходить на те мероприятия, куда не получалось у Нины, сменившей Светлану.

Но это было редкостью, что, несомненно, радовало. В отличие от меня, Ниночка к боксу питала весьма теплые чувства, если не сказать больше. Или, скорее, к боксерам. По этим фактурным мальчикам у нас почти половина девчонок в городе вздыхала и до сих пор вздыхает, мечтая обратить на себя внимание.

– О смотри, боксеры идут, – не раз слышала, проходя мимо стоек красоток, подмечающих объекты обожания почти за километр.

– Оооо-мааай-гоооот, какие они классные, – неслоь ото всюду.

Я же закатывала глаза и лишь усмехалась, потому что, как бы Саныч ни старался продвигать в молодежные массы футбол и баскетбол, поднять популярность этих видов спорта до уровня бокса не получалось.

Футболистов, как и прежде, считали кривоногими, а баскетболистов – долговязыми переростками.

Султанова и двух его друзей, Чернова и Тищенко, я знала лишь по документам, как и еще порядка двадцати-тридцати спортсменов, которых из раза в раз вносила с списки участников мероприятий различного уровня.

Хотя, нет, Чернова немного знала в лицо. Помнила по школе. Он учился старше на пару-тройку лет, но, кажется, ушел после девятого класса. Просто все время где-то мелькал на периферии, а потом раз, и пропал.

Попав на турнир, я впервые увидела всех тех, с кем уже больше года была знакома заочно. И хоть немного стала иметь о них представление. Не скажу, что мгновенно вспыхнула к мальчикам симпатией и с радостью влилась в дружные ряды фан-клуба болельщиц. Нет.

Бокс в живую меня не впечатлил от слова совсем. Громко, шумно, больно и нервно. Мне хватило посмотреть пару выступлений, чтобы понять: не моё.

Но работа, есть работа. Потому я лишь отслеживала «своих» победителей, вылавливала их, если они про меня забывали, и заставляла ставить автограф в специальной графе. Вот тогда уже четче соотносила фамилию и лицо.

Запоминала. Для себя.

Точнее, для дела.

Чернов, Тищенко и Султанов в числе призеров оказывались стабильно. Потому и в памяти зафиксировались. К тому же их тройка явно выделялась. Они практически неизменно держались вместе, приходили и уходили совместно, да и слова поддержки во время боев друг другу орали так, что уши закладывало.

В общем, друзья – не разлей вода.

Были...

Открываю глаза, возвращаясь в настоящее, и ощущаю, как на губах рождается печальная улыбка. Она всегда появляется, когда я вспоминаю Сашку.

Не могу думать о нем по-другому.

Глава 3

Не знаю, что мне снится, но просыпаюсь мгновенно. Вдруг становится холодно, а потом что-то явно большое наваливается сверху, не позволяя вздохнуть полной грудью, и вжимает меня в кровать.

Вчера, высидев пару часов в ванной, пока попа окончательно не онемела, а я не разозлилась, вышла из своего убежища и застала картину Репина «Приплыли». Пол завален пустыми бутылками, стол распаханутыми коробками с кусками недоеденной пиццы, весь диван в крошках из-под чипсов. И, как вишенка на торте, там же и Вадим. Дрыхнет.

Другого слова просто не нашлось, чтобы описать это тело, с трудом поместившееся на диване. Потому что одна рука и одна нога сползли на пол. Наверное, для опоры.

Поборов желание навести порядок, выключила голосящий телевизор и открыла окно на проветривание. И не важно, что на дворе конец осени, и к утру в квартире станет ужасно холодно. Зато весь смрад выдует, от которого только что глаза не режет и хочется надеть противогаз.

Сама, не снимая спортивного костюма, так как дама прошаренная, а еще жуткая мерзлячка, закуталась с головой в пуховое одеяло, оставив лишь нос, и вырубилась до утра.

И вот теперь меня разбудили совершенно странным и неприятным способом.

Не до конца вынырнув из дремы, распахиваю глаза, пытаюсь проморгаться и сориентироваться, и рот, чтобы заорать. Матом.

Вадим, стащив с меня одеяло и забравшись сверху, усердно елозить нижней частью тела и, дыша перегаром, пытается засунуть мне в рот свой язык.

– Фу.

Дергаю головой в сторону и кривлюсь.

Совсем что ли сбрендил?

Мало того, что воскресенье, и я хочу отоспаться, так еще и после вчерашнего хамства ни на какие сексуальные игрища меня не тянет.

Упираюсь ладонями в стальные мышцы груди и, вертясь, чтобы отвоевать свободу, всячески стараюсь скинуть с себя стотонную тушу слона.

– Перестань, – воплю, когда это не помогает.

– Хочу тебя, пи..дец, – сопит Кравцов, предпринимая новую попытку заткнуть мне рот поцелуем и одновременно забраться рукой под резинку брюк. – Машка, ну давай, побыстренькому, – стонет и тут же злится, когда мои штаны не поддаются. – На хрена ты на себя столько барахла нацепила?

– Чтобы не замерзнуть, – отвечаю правду, пытаюсь сбить руку, которая нашла шнурок на начала его развязывать.

– Нечего было окно распахивать, не лето на дворе, – поучает Кравцов и вновь трется об меня стояком. – Бл..., не хочешь трах...ться, хоть в рот возьми.

– Совсем ненормальный?

Сжимаю зубы и вырываюсь всеми силами, потому что озабоченность Вадима уже не просто нервирует, а пугает, когда он стягивает собственные штаны и ползет вверх, явно чтобы помочь мне не сильно наклоняться.

– Я – мужик, мне надо, – пыхтит объяснение, от которого я, по его логике, должна тут же раздвинуть ноги и распахнуть рот.

– Мне не надо, понимаешь? – пытаюсь донести сложную для мозга Кравцова мысль.

Чудом выскальзываю из-под груды мышц и тут же сваливаюсь на пол, отбивая копчик.

Нестрашно, зато не изнасиловали. Точнее, не отлюбили по своему желанию и без моего согласия.

Нахожу причину не расплакаться от резкой боли.

– Тебе, бл..., никогда не надо. То голова болит, то жопа, то хер пойми чего. Задолбала.

Вадим подтягивается на руках и садится между подушек, опираясь на спинку изголовья. Губы поджаты, брови нахмурены, а на еще «жеванном» после сна лице недовольная гримаса обиженного мальчика.

– Может, тогда рукой? – предпринимает новую попытку, сверля во мне дыру красными после пьянки глазами.

– Нет, – качаю головой.

Ни руками, ни ртом, ни другими частями тела я не хочу контактировать со своим молодым человеком.

У меня нестояк после вчерашнего.

Или не только после вчерашнего?

Приходит в голову шальная мысль с кучей разных примеров, когда я старалась замолчать проблему, чтобы не ругаться.

– Ну ты и стерва, Машка, правильно Серёга вчера тебя назвал, – выплевывает Кравцов, желая уколоть.

Вот только меня уже не пробирает, и он это подмечает. Потому демонстративно медленно съезжает по простыне вниз и разваливается посреди кровати, громко мыча от наслаждения.

– Если передумаешь, я тут пока посплю, – выдает с ухмылкой.

Ага, всенепременно. Жди.

Сжимаю челюсти, чтобы не послать его в пешее эротическое, и поднимаюсь с пола.

Раз уж утро началось внепланово рано, пойду пить кофе и заниматься генеральной уборкой после двух хрюшек.

– И диван ты отстойный выбрала. На нем спать вообще неудобно, – летит в спину.

Вот же...

– Есть у нас что попить? – сиплым со сна голосом интересуется Вадим, заходя на кухню, где я разложила на весь стол свою картину и сижу, выкладываю алмазную мозаику. – Во

рту, как в пустыне.

– Вода, – киваю, под табурет, где стоит покупная пятилитровка из «Пятерочки».

– Может, лучше чая с лимоном? – вслух размышляет Кравцов, почесывая заросший щетиной подбородок. – Сделаешь?

Летит как бы между делом.

– Я занята.

Не спешу подрываться и ставить чайник. А, найдя пакетик с нужной циферкой, пытаюсь с помощью стило подцепить единственную красную стразу, которая требуется на очищенном от пленки участке.

– Ну так оторвись, – флегматично пожимает плечами в конец офигевший Вадим. – И поесть уже бы надо, обед скоро.

Сообщает на развороте и, позевывая, уходит в ванную.

Откладываю инструмент, слегка сдвигаю картину, чтобы ее не задеть, и подпираю щеку кулаком, тупо глядя в стену.

Ну и за каким лешим мне все это надо?

Крутится к голове на повторе один и тот же вопрос.

– Вадь, – кричу, не торопясь поднимать зад и идти исполнять «хотелки».

– Чего? – высовывается из санузла Кравцов.

Замечаю, что половина подбородка уже намазана гелем, но желания подойти, как раньше, и похулиганить, испачкав пеной его нос или лоб, уже нет. Ну да, красивый мужик, высокий, спортивный, и... чужой. Не мой совершенно.

Смотрю на него и отчетливо это понимаю.

Нет к нему притяжения. Нет из-за него волнения или трепета.

Не вижу я нас в будущем вместе. А игра в одни ворота что-то надоела. Я и подающий, и принимающий, и полузащитник, и нападающий, а Вадим, как ленивый вратарь, ловящий мячи на отъ...бись.

– Знаешь, я тут подумала, – говорю и делаю паузу, чтобы привлечь внимание, – а ведь Мельников абсолютно прав.

И даже киваю, подтверждая свои слова.

– Это ты сейчас о чем? – подозрительно приподнимается одна бровь.

– О стерве, – отвечаю с улыбкой.

Нормальной улыбкой человека, принявшего окончательное решение и оттого счастливого.

– Не понял...

– Ну, вспомни, вчера Серега назвал меня стервой, и ты согласился. Так вот... я подумала и тоже с вами согласна.

– Маш, ты чего? – Кравцов что-то начинает подозревать.
– Обиделась что ли?

– Не-а, наоборот, благодарна твоему приятелю, что глаза открыл.

– Слушай, Прохорова, заканчивай выносить мозг и лучше сделай чай. Попросил же.

– Так я и заканчиваю, Вадь, – вновь хмыкаю. – Я – стерва. Так? Так! Поэтому... буду соответствовать.

– Говори по-русски, а?

– Все просто, Кравцов, Я УСТАЛА быть НЕСТЕРВОЙ.

Поэтому предлагаю нам расстаться.

– Чего?

– Я хочу пожить отдельно, – и прежде чем прифигевший от моей наглости и совсем забывший, что собирался бриться, мужчина спрашивает: «Зачем?», поясняя, – чтобы понять, что в нашей паре было не так. И осталось ли то, что хочу вернуть, и за что стоит бороться.

– Дура что ли? Ты чего несешь? – делает свои выводы мой молодой человек.

Хотя в том, что «мой», уже вообще не уверена.

– Ты из-за наших гостей что ли взбесилась? – находит свое объяснение моей дурости Вадим. – Так кто виноват, что это, – взмахивает экспрессивно рукой, – не квартира, а жопердулина какая-то. Да в ней не знаешь, как разместиться, когда люди приходят! Всего одна комната, в которой нормально не повернешься, обязательно что-нибудь да заденешь. А кухня разве есть? Одно название, да и только. Вот ты тут расселась со своей фигней и всё, мне ни пройти, ни проехать к плите, а я всего лишь хотел позавтракать.

По поводу гостей, особенно «наших» проглатываю, а вот ни заступиться за квартиру, оставшуюся от бабушки с бабушкой, не могу.

– Это нормальная квартира, Вадим. Пусть небольшая, зато своя-собственная.

– Да какая нормальная, если ты мне из-за нее тупой скандал закатываешь? Мать тебе давно говорит, что ее продать надо, скинуться и взять что-нибудь получше. Но тебе и так хорошо. Самая умная, – перескакивает на любимого конька Кравцов.

Ага, помню я тот разговор с его мамой, моей не-свекровью, когда та знакомиться приходила.

Алла Борисовна неторопливо обошла всю небольшую территорию, осмотрела, как она, наверное, думала, нечитаемым, а на самом деле критичным взглядом, а потом предложила:

– Маша, я думаю, если ее продать, и вам с Вадичкой скинуться, скажем, тысяч по пятьсот, то что-то нормальное вполне сможете себе купить.

Что самое интересное, больше прибила не ее идея покупки «напополам», а убойное «Вадичка». Как впоследствии оказалось, Кравцова так сына называла с рождения и привычкам изменять не планировала.

– Вадим, я тебе про нас говорю, а не про свою квартиру. Услышь меня, пожалуйста, – качаю головой, потому что мои слова попусту игнорируют.

– Ах, вот ты как заговорила? Твоя, значит? Может, еще вещи делить начнем или продукты? Хочешь сказать, я на твоей шее сижу? Да ты в своем комитете копейки зарабатываешь! А я вкалываю по двенадцать часов в сутки в сервисе, чтобы бабло иметь, и постоянно на ногах, не то что ты, на

ж... заднице сидя.

В последний момент Кравцов все же притормаживает и решает не оскорблять мою пятую точку словом «ж..па». Вот только я тоже имею пределы терпения, и сейчас очень напоминаю пароварку...

– И куда твоя безразмерная зарплата девается? – складываю руки на груди, откидываясь на спинку стула. – Что-то не припомню, когда ты в последний раз в магазин ходил. За тем же хлебом или молоком. Или... постой... – глумлюсь в открытую, – кажется, догадалась. Вчера и ходил. За пивом и чипсами. С Мельниковым. Правильно? А все остальное, наверное, на квартиру копишь? Да, милый?

– Да ты... – Вадим сжимает кулаки, краснея лицом.

Делает шаг ко мне, но я не пасую, лишь вздергиваю подбородок и прищуриваю глаза. Сама себе напоминаю агрессивную кошку с выгнутой спиной. Потому что знаю: терплю обычно долго, но, если довели, становлюсь неуправляемой. Могу и сковородкой огреть.

– Стерва? – подсказываю и киваю: давай, мол, соглашайся.

– Натуральная! – психует Вадим.

Вертит головой влево-вправо, хватая с вешалки полотенце, резкими движения вытирает так и не побритый подбородок, швыряет использованную ткань куда-то внутрь ванной, захлопывает с грохотом дверь и уносится в комнату.

Сижу, жду.

До слуха долетают хлопки дверец шкафчиков, «вжик»

молнии на спортивной сумке, с которой Кравцов ходит в спортзал, звяканье мелочёвки, вынимаемой из плетеной корзины на комод, топот ног в одну сторону, потом в другую, шорох проехавшего по ламинату журнального столика, тихий мат по поводу габаритов «жопердулины».

Выбегает.

– Знаешь, что? – шипит, вздергивая подбородок, и со злостью закидывает спортивную сумку на плечо. Но та не поддается и из раза в раз съезжает, задевая стену узкого коридора.

Прикусываю щеку изнутри, чтобы не улыбнуться, потому что образ гордого мачо плывет и сильно смахивает на карикатуру обиженного дитяти.

– Когда ты поймешь, что не права, первая позвонишь и извинишься! Ясно? – цедит сквозь зубы и тыкает в мою сторону пальцем.

Психуя, со второй попытки засовывает ноги в кроссы, хватает с вешалки куртку и, даже не надевая, выскакивает из квартиры.

Хлопок двери.

Топот ног по лестнице.

Тишина.

– Ффффффф, – выдыхаю вверх, сдувая челку, упавшую на глаза, а потом начинаю хихикать.

Тихо-тихо, почти беззвучно, но очень радостно.

Мне еще слабо верится, что я, наконец-то, в собственной

квартире снова стала хозяйкой, скинув роль принеси-подай прислуги.

Глава 4

На радостях по поводу «освобождения» решаю навести генеральную уборку не только в кухне, ванной и прихожей, где уже все практически сверкает, но и в комнате, в которой без Вадима становится как будто бы просторнее и светлее.

Включаю ноутбук, выбираю веселенький музыкальный плейлист в ВК и делаю звук динамиков погромче. Так, как нравится именно мне. И, пылая бодростью и азартом, приступаю.

За мытье окон в последний момент хватает ума не браться, все-таки ноябрь в этом плане – не самый подходящий месяц, и болеть я не люблю. Но в остальном выполняю дела от и до, попутно отмечая, что с собой забрал Кравцов.

Не с целью, чтобы подловить воришку: «Ага, пропала бабушкина серебряная ложка девятнадцатого века!», у меня их отродясь не было. А просто по привычке. С расчетом: а на сколько дней Вадиму хватит чистой одежды? Он же – аккуратист и чистюля, каких днем с огнем не сыщешь. И два дня в одном и том же вряд ли сможет проходить.

Без труда представляю скривленное лицо, скептически изучающее несвежую футболку или рубашку.

Да, почти десять месяцев совместной жизни дают о себе знать. И те привычки, что появились за это время, еще ни единожды аукнутся и заставят посмеяться.

Уверена, прежде чем начать стирку, я ни раз буду обходить квартиру в поисках грязного мужского белья, забытого или на спинке компьютерного кресла, или в прихожей под вешалкой, или между кроватью и тумбой, а в магазине делать упор на мясные продукты, потому что вечно голодному мужчине в большом объеме требуются белки и протеины.

Не страшно, время расставит всё по местам, но пока я действительно ещё не до конца ощущаю «свободу».

Спустя пару часов, уперев руки в боки, с удовольствием осматриваю результаты своей работы и битком набитую вещами Кравцова большую дорожную сумку, выставленную на стул, и с блаженной улыбкой сваливаюсь на диван, который лично меня всем устраивает.

Кладу голову на мягкий подлокотник и, подпевая Райану Стар под «Brand New Day», звучащую прямо в тему, пританцовываю из положения «лежа». Руки скользят по бархатной обивке ткани, наслаждаясь приятными ощущениями, пока под ладонь не попадается бумажка.

В первый момент она не вызывает интереса, но потом решаю развернуть. Чек из автомагазина на запчасти для Х6 не удивляет, разве что кругленькой суммой, которую я зарабатываю за год минимум. Живут же люди.

В остальном же, ничего особенного. У Вадима и раньше в одежде частенько попадались расходные документы, которые он забывал вовремя выложить на работе. Но то, что те важны для отчета перед клиентом при сдаче работы и обос-

нования общей суммы ремонта, я помню. Потому решаю чек не выкидывать, а добавить к вещам Кравцова. Вдруг что-то важное.

Настойчивый звонок в дверь становится неожиданностью.

Гостей я не жду. И первая мысль, что приходит в голову, это Вадим что-то забыл и вернулся забрать. Или еще поскандальить для порядка.

Гашу страстное желание притвориться тряпчочкой и сделать вид, что о-о-очень крепко сплю и не слышу упорных требований открыть дверь. Но сдаюсь под упертостью гостя, топчущегося на площадке.

Да и внимания соседей не хочется, а любопытных на площадке хватает. Тут вся полиция нравов отдыхает. Не удивлюсь, если уже у глазка бабульки топчутся и высматривают подробности.

Спрыгиваю с дивана, уменьшаю громкость звука на ноутбуке, чтобы не так ярко афишировать свое прекрасное настроение, вдруг действительно Кравцов там собственной персоной стоит, и иду открывать.

– Добрый день! Прохорова Мария?

Сияет добродушной улыбкой незнакомый парнишка лет двадцати двух в светло-сером бадлоне, темных джинсах и расстегнутом чёрном дутике.

– Добрый. Она самая, – киваю, складывая руки на груди и заранее хмурясь.

Первые мысли, что атакуют, почему-то все не радуют. То

ли очень осведомленные рекламщики пожаловали, то ли какая-то служба с проверкой, которая домовладельцев только по выходным и умеет отлавливать.

– Распишитесь тут, пожалуйста.

Не гася стоваттной улыбки, мальчишка сует под нос планшет и, замечая, что я не спешу ничего делать, вытаскивает спрятанный до этой минуты за спиной небольшой, но очень симпатичный букет цветов.

– Это Вам, – поясняет мне, как великой тугодумке, и опять тянет бланк документа.

Ага, ясно, сначала роспись, потом подарок.

Понимаю все без слов и хмыкаю.

Наверное, кто-то паренька на этом деле подловил.

– Давай, – забираю планшет и, почти не глядя, чиркаю закорючку. – А от кого? – уточняю как бы между делом.

Вариантов на самом деле совсем немного.

Точнее, один-единственный, но и тот странный. Неужели Вадим так быстро остыл, всё обдумал и решил вернуться? А как же поломаться, подуться пару дней для порядка, дать мне осознать собственную глупость?

– Не могу знать, я всего лишь доставщик, – пожимает плечами курьер и, наконец-то, вручает мне мои цветы. – Держите. Хорошего дня, Мария.

– Спасибо, – бросаю уже в спину шустро сбегающему с лестницы молодому человеку.

– Там, кажется, была записка, – летит откуда-то с первых

этажей запоздалая умная мысль, и следом раздается сигнал домофона об открытии двери.

«Ты б еще с улицы крикнул, Вундеркинд», – ворчу беззлобно и достаю белый плотный прямоугольник, запрятанный в самую глубину между нежно-розовыми бутонами миниатюрных махровых роз.

«Прости дурака»

Гласит единственная строчка, написанная от руки...

Точно не от Кравцова.

Делаю вывод по одной лишь фразе.

И не только потому, что почерк не его, слишком витиеватый и плавный, а потому что Вадим скорее из кожи вон вылезет, чем себя дураком назовет.

Он? И дурак? С ума посходили что ли?

Любой будет, но не он.

Прижимаю к груди безумно красивый букет, источающий нежно-сладковатый аромат, перехватываю картонный прямоугольник так, чтобы убрать палец с нижнего правого уголка, и убеждаюсь в том, о чем стала догадываться чуть ранее.

– Султанов! Как ты меня бесишь, – шиплю вслух, разглядывая лаконичную подпись «С.».

В голове проскакивает шальная мысль избавиться от цветов, показательно запулив их из окна, или по-тихому выкинув в мусоропровод. Но как проскакивает, так и убегает

дальше.

Цветы не виноваты, что их купил засранец, поэтому сую нос в самую гущу упругих бутонов и, прикрыв глаза, вытягиваю невероятно очаровательный аромат. Шикарно.

Вот гад гадом, а букет выбирать умеет.

И заставлять думать о себе, кстати, тоже. Пока нахожу подходящую вазу, которых от бабушки осталось, как минимум, штуки три или четыре, наполняю ее водой и подрезаю кончики у стеблей, сама не замечаю, как проваливаюсь в воспоминания.

Официальное, если его можно так назвать, знакомство с Султановым, как и с Тищенко произошло примерно пять лет назад. Ну и с Черновым тоже, если уж говорить начистоту.

Это точно была суббота. Мы с моей, на тот момент единственной и лучшей, подругой пошли в клуб, чтобы расслабиться, повеселиться и потанцевать.

Никакой особой даты не было. Просто захотелось.

То, что Аленке нравится Чернов, она говорила. Но я особо не заикливалась на информации, потому что в то же время ей нравились и Семен, только-только устроившийся в ее офис сисадмином, и Максим, шикарно смотревшийся в полицейской форме, и Денис, пригнавший из Москвы новую навороченную тачку и обещавший прокатить. В общем, вкусы Макаровой менялись по пять раз на дню, и к этому я была привыкшая.

В клубе мы с Аленкой на какое-то время разделились. Я

зацепилась языком со школьными подругами, а она ненадолго поднялась подышать свежим воздухом на открытый балкон в виде террасы, расположенный на втором этаже здания.

Устав ждать потеряшку, которая не появилась и через двадцать минут, хотя уходила всего лишь на пять, пошла наверх и застала довольно неприятную сцену: Чернов заблокировал Аленку у балконного поручня и, налегая на нее всем немалым весом, заставил опасно свеситься вниз.

Страх за подругу настолько застил глаза, что, ни о чем не думая, понеслась вперед. А когда подлетела к ненормальному, с силой его оттолкнула и запихнула Макарову за спину. Только в тот момент заметила, что Аленка не только не была напугана, а, наоборот, хитро улыбалась, с интересом поглядывая в сторону Романа. Последний же, пребывая сильно навеселе, закусился на мой выпад.

Чернов сжал кулаки, хрустнул шеей и, как бык, двинулся вперед. Сказать, что я испугалась, ничего не сказать, но, вздернув подбородок, сама шагнула навстречу:

– Совсем офонарел, парень? Ты чего творишь? А если бы она свалилась? – тыкнула в широкую грудь пальцем.

В тот момент я четко уверилась, что огребу по полной. Такой бешенный взгляд меня прожигал. Уже даже представила, как буду искать знакомых моих знакомых, чтобы оформить больничный. Сомневаться, что одного удара от боксера мне хватит за глаза и за уши, чтобы упасть и не очнуться, не приходилось.

Вот только поединка не случилось.

Откуда-то со стороны налетели Султанов и Тищенко. Первый мгновенно прикрыл меня спиной и, обхватив за плечи, стал сдвигать в сторону выхода с балкона, а второй с видом заядлого балагура обнял Чернова и стал забалтывать:

– Эй, братан, ты чего разбуянился? Да-ну, брось это тухлое дело, пойдем лучше еще выпьем. И подругу твою новую с собой возьмем.

Кажется, Тищенко имел ввиду Аленку, и та даже согласилась. Но разглядеть всё толком не удалось. Султанов, не давая возможности выскользнуть из захвата и вернуться за Макаровой, утащил меня в одну из свободных вип-комнат на втором этаже.

– Эй, тихо-тихо, бешеная кошка! Успокойся, ничего с тобой подругой не сделают. Сашка проследит. Все будет в порядке, обещаю, – продолжая меня аккуратно, но так, что фиг вырвешься, удерживать, произнес друг Чернова. И тут же постарался поймать мой взгляд. – Ау, да ты вообще меня слышишь? Всё-всё, выдохни. Ты – молодец, очень боевая. Я впечатлен.

– Рада за тебя, – кивнула, даже не глядя на парня. – Отпусти, мне подругу надо забрать. Я за нее отвечаю. Да и к молодым людям, которые способны поднять руку на девушку, у меня доверия нет. А этот Роман Чернов... вот уж от кого не ожидала.

– Ты его знаешь? Откуда? – ловко втянул меня в разговор

Султанов.

– Со школы помню, – отмахнулась, вновь предпринимая попытку уйти. – Теперь-то всё выяснил? Отпускай.

– Да не могу я... – взмолился парень, да так искренне на первый взгляд, что я перестала прожигать глазами выход и взглянула на него.

– Почему?

– А ты не видишь? – ответил он вопросом на вопрос. И следом. – Влюбился. С первого взгляда. Честное слово. Первый раз вижу такую смелую девушку, не побоявшуюся отстаивать интересы подруги перед заведомо сильным соперником.

– Будто бы ты поступил иначе, – фыркнула, не замечая в своих действиях ничего странного.

За друзей стоять горой – разве не этому нас учат с детства?

– Я – парень, а ты – хрупкая девушка, – объяснили мне логику, – и я до сих пор и не услышал твоего имени. Меня, кстати, Сулейман зовут. Султанов.

– Мария, – представилась кратко.

Уточнять, что знаю его заочно и, тем более, откуда, не стала.

– Машенька, – исправил он имя на свой манер. – Мне очень нравится. А фамилия?

– А скан-копию паспорта не скинуть по ВК? – фыркнула на наглость, ощущая, что нервное напряжение, от которого ощутимо потряхивало, практически сошло на нет.

Султанов при всей своей наглости и самоуверенности оказался в тот вечер отличным психологом. Он сумел разговорить и перетянуть внимание на себя, что позволило мне успокоиться и взглянуть на ситуацию более здраво.

– А ты и в ВК есть? А как записана? – продолжил он атаковать вопросами.

– По имени и фамилии, – усмехнулась и добавила. – Захочешь, найдешь.

Кажется, именно тогда я впервые заглянула в его глаза. По-настоящему заглянула в темно-карие, почти черные бездонные омуты. И утонула на краткий момент.

– Найду, Машенька, – пообещал он серьезно, когда я отступила на шаг.

И подмигнул, слегка обозначив улыбку.

Султанов сдержал слово спустя пару дней.

«Привет, смелая Маша! Я тебя нашел!»

Пришло сообщение в ВК от незнакомого пользователя SSulIk.

И я ответила...

Резкий рингтон мобильного заставляет вздрогнуть и вернуться в настоящее. Сетую на собственную память, затянувшую в свои коварные сети, поднимаюсь с дивана и дотягиваюсь до телефона.

«А.Б. Кравцова» – высвечивает дисплей, и я ловлю себя на предательской мысли, чтобы притвориться глухой и не брать трубку.

Но совесть не позволяет прятаться.

– Здравствуйте, Алла Борисовна, – произношу, сделав глубокие вдох и выдох и добавив в голос капельку позитива.

– Здравствуй, – в отличие от меня, мама Вадима всячески излучает нервозность. – Мария, а где Вадичка? Я ему звоню-звоню, а он трубку не берет. Спит что ли уже?

В начале-то девятого? Сомневаюсь.

Хмыкаю про себя.

– Не могу знать, – произношу серьезно, – его нет дома.

Пытаюсь отделаться размытой фразой. И получаю то, что и ожидаю.

– Как нет? А где он? Ты же жена! И просто обязана знать. Неужели тебе неинтересно, где в воскресенье вечером пропадает твой мужчина?

В голосе столько экспрессии, что я непременно обязана проникнуться, почувствовать собственную никчемность и, наверное, начать мгновенно исправляться.

Вот только не проникаюсь и вины не ощущаю.

– Алла Борисовна, если я смогу дозвониться до Вадима, то попрошу его с Вами связаться, – отделиваюсь размытым обещанием.

Сообщать о том, что попросила Кравцова съехать, не то-роплюсь. Эту несомненно важную миссию оставляю на его совести.

Еще минут пять выслушиваю наставления по поводу «правильного поведения» жены и с облегчением прощаюсь.

Желание занести номер абонента под именем «А.Б. Кравцова» в черный список буквально искушает и жжет пальцы, но волевым усилием оставляю все неизменным.

Глава 5

Понедельник начинается бодро и на позитиве.

Особенно потому, что в кой-то веке я занимаюсь исключительно собой, а не ношусь очумелой белкой, одновременно стараясь одеться и накраситься, а также приготовить Вадиму кофе, горячий завтрак и несколько контейнеров на обед и полдник.

В итоге успеваю не только спокойно собраться и позавтракать, попутно проматывая новостную ленту в сети, но и выделить время, чтобы критическим взглядом оценить гардероб и решить, что пара обновок мне совсем не повредит.

А что? Прекрасная идея!

Делаю вывод и тут же строчу сообщение Катюшке.

«Привет! Как на счет пробежаться по магазинам в обеденный перерыв? Такси за мой счет))»

«Приветик!)) Руками и ногами «за!» Готова к пополамчику!))»

Прилетает ответ через минуту. И следом...

«Ты чего с утра пораньше в пнд. такая счастливая? Собрала своему большому мальчику чугунки с едой с вечера и валяешь дурака?»

То, что за нашу совместную жизнь с Кравцовым, Катюха видела его от силы раз шесть, но невзлюбила как-то сразу и насовсем, никогда не было для меня секретом. Кононова

этого не скрывала и всячески демонстрировала. Что прямо в глаза Вадиму, что в наших междусобойчиках, если прихотилось к слову.

«Почти угадала!)) Собрала чемоданы и попросила съехать))»

Строчу в ответ и через пару секунд уже принимаю входящий вызов.

– Твою ж кочерыжку! Прохорова, неужели тебя расколдовала злая ведьма и вернула зрение? – вопит подруга, не скрывая радости в голосе. – Такие шикарные новости, да в понедельник с утра! Как пить дать, вся неделя пройдет на ура! И премию нам обязательно дадут вместе с тринадцатой! Юх-ху!

– Эй, угомонись, болтушка, – смеюсь, заряжаясь заразным позитивом. – Неужели все было так плачевно, что ты готова ирландскую джигу сплясать? Кстати, от премии я, если что, не откажусь! Пригодится.

– Еще как плачевно, дорогая. Так что, да, я тебе ради такого дела не только джигу, но и лезгинку без проблем забахаю, – потешается вредина. – А по поводу премии, Мария Дмитриевна, обещаю выдать тебе ее в первых рядах.

Катюха работает в бухгалтерии ведущим специалистом и сидит как раз на зарплате, так что всегда первой узнает, если начальство умудрится выбить нам какие-то плюшки.

– Ладно, Катюнь, я побежала, увидимся в обед, – завершаю разговор, взглянув на часы и отметив, что до автобуса

остается чуть больше десяти минут.

– Опять на почту, как обычно по понедельникам? – сразу угадывает подруга путь моего следования в первый рабочий день недели.

– Точно.

– Ладно, беги, – дает добро и тут же угрожает. – До обеда я как-нибудь без подробностей дотерплю, но потом, Машуня, ты не отвертишься!

– Договорились, – смеюсь, отключая вызов.

На работе появляюсь в начале одиннадцатого. В этот раз на почте оказывается очередь из пяти бабулек, которые караулят чуть ли не с ночи, чтобы получить пенсию. Потому лишь выслушав жалобы каждой и отстояв резиновые сорок минут, добираюсь до окошка работницы почтамта, взвешиваю конверты, доплачиваю за перевес и оформляю несколько писем «с уведомлением».

– Привет, Маш, тебя Саныч искал. Забежишь к нему? – просит Нина, когда я переступаю порог комитета и, заглянув в кабинет к девчонкам, здороваюсь.

– Да, сейчас разденусь и сразу к нему, – киваю, на ходу начиная расстегивать пальто и отыскивать в кармане сумки ключ от своего закутка.

В первые пару лет мне пришлось поработать в кабинете еще с тремя девушками разных возрастов. Не скажу, что было совсем уж туго, но половина рабочего времени уходила на перетирание различных сплетен, обсуждение благоверных,

обновок, новостей и прочей лишней для моего мозга информации, что жутко утомляло.

Когда Соколов при переходе под его начало предложил выбор – одна или в коллективе, не раздумывая, заняла небольшой, но собственный кабинетик. И ни разу с той поры не пожалела.

– Егор Саныч, доброе утро! – приветствую начальника, заходя к нему после короткого стука. – Искали?

– А, да, привет, Маш. Что со спонсорскими письмами? Текст готов? – интересуется шеф, взмахом руки отправляя меня устраиваться на любое свободное место. – Если что, пусть Нина и Светлана тебе помогут все напечатать. Так быстрее выйдет. Да и разнести тоже, думаю, не откажутся, если я им вторую половину дня освобожу.

– Письма я в пятницу уже сделала, самые дальние сегодня с утра отравила заказными письмами, так что не потеряются, да и Михалыча гонять по городу не придется, – отчитываюсь, имея ввиду нашего единственного вечно раздираемого на части водителя.

– Ого, молодец, хвалю, – Саныч не скрывает довольной улыбки и потирает руки, откидываясь в кресле. – Сколько осталось разнести? Штук тридцать?

– Восемнадцать, еще с десятков раскидала сейчас, пока с почты возвращалась.

– Отлично. Тогда давай так. Отдашь оставшиеся Нине, я ее предупрежу, а сама прошерсти старые документы или к

юристам в администрацию сгоняй. Нужна болванка договора аренды муниципального имущества. У нас, кажется, нашелся арендатор на помещение в Северном микрорайоне.

– Это где была старая школа бокса?

– Совершенно верно. В том здании два года назад капремонт делали, помнишь, наверное. А как Вулаев умер, никто его дело продолжить не захотел. Оно так и пустует.

– Выходит, кто-то всё же решился? – закидываю удочку, чтобы узнать побольше.

Все-таки душа болеет за то, чтобы в нашем городе спорт развивался, а парни росли настоящими мужиками, а не модельками, качающими бицепсы и трицепсы в спортивных залах для позирования на глянце.

Вот у меня Кравцов, точнее не у меня уже, но не суть. Три раза в неделю в «Фитнес-центр» ходит, коктейли свои протеиновые пьет, за рационом следит, мышцы качает. А встретятся ему в подворотне двое или трое хулиганов, и не уверена, что он от них сможет отбиться. Только если внушительными габаритами и басовитым голосом напугает.

По мне, мужики должны быть мужиками, а не подобиями.

А вот Султанов и против четверых дрался, вспоминаю одну из потасовок после соревнований лет пять назад. В тот раз приезжие боксеры из другого региона оставались в городе на пару суток, так как масштабное мероприятие в один день не укладывалось. Пришли вечером подпили, пришли в клуб, и решили Сулеймана носом тыкнуть, что он не сильно

русским выглядит. Тогда он им очень доходчиво объяснил, как они не правы.

Конфликт вскоре замяли, но парни на следующее утро уже помалкивали и на внимание Султанова не претендовали. Оно им не сильно понравилось.

Хмыкаю и качаю головой. Мысли, то и дело самовольно перепрыгивающие на мерзавца, уже не бесят так сильно, что из кожи вывернуться хочется, привыкаю. Но и мириться с ними особого желания не возникает.

Потому, получив от Саныча ответ: «Пока не скажу, чтобы не сглазить», киваю и возвращаюсь к себе. Включаю колонки, настраиваю любимую радиостанцию и, тихонько подпевая, выполняю полученное задание.

Обеденный шоппинг с Катюшкой проходит «на ура!». Приобретаю себе строгое, но элегантное платье цвета бургунд. Оно не только выгодно подчеркивает фигуру, вытягивает силуэт за счет юбки ниже колена, но и как-то по-особенному подчеркивает слегка выющиеся медные локоны.

– О, боги! Этот кошачий взгляд с хитринкой. Прохорова – ты секси, так что даже не думай и бери. Это платье шили конкретно для тебя, – уверенно заявляет Кононова, придирчиво изучая меня в зеркале.

– Беру и даже спорить не стану, – соглашаюсь с мнением подруги.

– И что? Ни одной жалобы по поводу заоблачной цены не поступит? – подкалывает шутница и демонстративно звонко хлопает себя по лбу. – Ах, да, я же забыла, теперь тебе не нужно тратить свои кровные на покупку тонны мяса для вечно голодного мальчика Вадика, а можно вспомнить про себя-любимую. Наконец-то!

– Ка-а-ать, ну хватит язвить, – отмахиваюсь, смеясь.

– Нет, не хватит, – не сдаётся вредина. – Да тебе поваром можно устраиваться в ресторан после того, как ты Кравцову то парные котлетки из индейки, то кролика в овощах, то осетра по-царски запекала. То же мне, гурман, выискался. Фигуру он поддерживает. Фотомодель-бл... Ох, я бы его сразу поганой метлой за дверь выгнала еще по весне, когда г..вно плывет. Вот и он бы поплыл, как миленький. А ты, дурында, терпела и, как золотая рыбка, все его тридцать три желания старалась выполнить.

– Кононова, ну раз уж разговор зашел о твоём негативе в его сторону, колись, чего на него с первого дня взъелась? Повод был?

– А ты уверена, что уже готова меня слышать? – уточняет Катюша, примеряя платье изумрудно-зеленого цвета с запахом.

– Естественно.

Даже киваю пару раз, подтверждая свои слова.

– Он ко мне приставал, Машунь. В самый первый раз, когда я к тебе в гости пришла. Он же тогда неделю, или сколько

там было, как к тебе переехал. Мы день влюбленных отмечали, а после у тебя засесть решили. Так вот пока ты на кухню носилась курицу в духовке подогревать, он ко мне подкатывал и руки распускал.

— А ты что? — хлопаю глазами, вспоминая тот вечер, что описывает подруга.

У меня нет желания подловить ее на подтасовке фактов или преувеличении проблемы, просто я будто по новой узнаю своего бывшего молодого человека. И, что странно, мне становится не столько больно из-за его поступка. Сколько неудобно перед Кононовой.

— Проверила на загребущих ручках твоего бывшего прием, которому меня старший брат обучил. Палец я ему, Машунь, вывернула. От души, чтобы думал в следующий раз головой верхней, а не нижней.

— Катюнь, прости, я не знала, — извиняюсь за наглость Кравцова. — Теперь понимаю, почему ты так резво всегда отказывалась отмечать у меня дома хоть какие-то праздники.

— Да, забей. Это же теперь в прошлом. Надеюсь, ты не надумаешь дать пижону-Вадику второй шанс? А? — приподнимает идеальную бровь стройная длинноногая брюнетка, вертеться в обновке, чтобы покрасоваться.

— Нет, не надумаю, — отвечаю серьезно и переключаюсь на шоппинг. — Красотуля, а ты не хочешь его прикупить? Оно классное. И талия у тебя в нем такая тонкая, улет! Любой парень глянет и тут же захочет проверить, сможет ли двумя

ладонями обхватить.

– Ох, не советую я никому меня хватать, иначе без хваталок останутся, – смешно фыркает Кононова, еще раз пробегается критическим взглядом по образу в зеркале и кивает. – Беру, Манюнь. Этот день нужно отметить с размахом.

– Ты еще красным фломастером дату обведи, чтобы не забыть и на следующий год отметить, – подкалываю болтушку.

– Хорошая идея! – Кононова достает сотовый, быстро щелкая по экрану, делает напоминалку и показывает мне.

«ИДИОТ!» – гласит надпись в шапке названия.

– Идиот? – уточняю, не улавливая логики.

– Ага, – подмигивает неподражаемая шутница, – Идеальный День Избавления От Тунеядца. Хотя определение трутень Кравцову тоже четко подходит.

– Все убедила, – смеюсь в голос, – сейчас себе тоже такую пометку сделаю! Катюшка, ты – гений. Давай, переодевайся, я тебя на диванчике подожду.

Не глядя по сторонам и всё еще хихикая, боком выхожу из примерочной и тут же врезаюсь в какую-то девушку, следующую в соседнюю кабинку.

– Ой, простите, не заметила, – извиняюсь, поднимая голову, и улыбкой стараюсь загладить неловкий момент.

– Ничего, я привыкла, – хмыкает симпатичная блондинка с длиннющими пепельными волосами, причесанными волосок к волоску и заколотыми в тугий хвост. – Когда меня сопровождает брат, девушки не только на меня «случайно»

налетают, но и ему под ноги норовят упасть, только бы привлечь внимание.

– Э-э-э, – глубокомысленно показываю, что не совсем улавливаю логику, как с боку раздается голос, от которого все волосы на теле встают по стойке смирно, а сердце сбивается с ритма.

– Здравствуй, Маша.

Резко поворачиваю голову вправо и сталкиваюсь с черным, как ночь, взглядом Султанова.

Ох, твою же мать.

Откуда?

– Кхм, здравствуй, – хриплю вмиг севшим голосом и, опустив глаза в пол, уматываю к самым дальним диванам, чтобы подождать Катюшу у выхода.

– Я же говорила, куда не плюнь, везде твои подружки, – раздается вслед веселое хмыканье блондинки.

– Маша – не подружка, – доносится тихое, но так, что фиг проигнорируешь.

И уже на самой границы слышимости:

– Ого! Прости, братиш, учту на будущее.

Глава 6

Вторая половина рабочего дня проходит как во сне.

Мысли то и дело с рабочих моментов перескакивают на воспоминания о пробирающем до дрожи взгляде Султанова и его вибрирующем по коже «Здравствуй, Маша», а потом вновь возвращаются в режим «only work».

Успокоиться до конца не получается.

Я из раза в раз, как заезженную пластинку, гоняю в голове секунды нашей встречи, и мысленно переписываю сценарий на более приемлемый собственному «Я». Будто бы не пишу еле слышное «здравствуй» и не опускаю стыдливо голову, а гордо вздергиваю подбородок, прожигая мерзавца гневным взглядом, и походкой от бедра шествую вперед, нагло задевая его плечом. А он отступает, хлопает своими темно-кари-ми глазюками и оторопело смотрит мне вслед.

– Вот же зараза прилипчивая! – шиплю, когда, размечтавшись, по недосмотру тыкаю иглой не в просверленное отверстие подшиваемой папки с документами, а себе в палец. – Изыди, дьявол, из моей головы! Работать мешаешь!

Но какое там.

Сулейман по жизни никого кроме себя не слушает, в чем уверена на все сто процентов, потому и мои мысли покидать не торопится.

Я же, как мазохистка, цепляюсь за новый «крючок», под-

кинутый его умной сестренкой: девушки... Именно девушки! Куда же без них.

И уже другая порция воспоминаний атакует, будто только этого и ждала.

Да, Султанов еще тот кобель, тут к бабке не ходи, все сразу ясно становится. И пусть «ноги» у такой уверенности растут из прошлого, не думаю, что Казанова мог измениться.

После знакомства и начала общения в ВК тогда, четыре с половиной года назад, Сулейман не стал мне добрым другом или приятелем в реале. Мы могли часами переписываться сообщениями в сети, подкалывать друг друга под фотками и обсуждать всякие глупости, но при встречах ни он, ни я не признавали знакомства и не подходили друг к другу, чтобы поздороваться или перекинуться парочкой стандартных фраз из разряда: «Как дела?» – «Всё супер!» – «Классно!» – «Классно!» – «Увидимся?» – «Непременно!».

Ладно, я – девочка, у меня априори в голове было забито, что мальчики делают шаги первыми, а вот что в голове было у него, не знаю. Может, стеснение, что звучит слишком фантастически, может, хитрая тактика по привлечению внимания, что сильно походит на правду. Но факт оставался фактом на протяжении полугода.

Максимум, что мне перепало, это редкий, еле обозначенный кивок. Что-то, похожее на: «Эй, крошка, я тебя еще помню, цени».

Но на этом все.

И в то же время везде, где бы мы не сталкивались, я ощущала на себе его внимание, пристальный сверлящий взгляд, который пропадал в то же мгновение, как я оборачивалась и старалась его перехватить. И возвращался вновь, когда отворачивалась.

Да, это бесило.

Бесило ужасно.

Но еще больше задевало то, что я ведушь на подначку, как сопливая девчонка. И не могу не реагировать. Не могу выкинуть из головы этого поганца, как ни стараюсь. Сама выискиваю его взглядом, если прихожу в места, где он может быть, и замираю сусликом, стоит взглядам столкнуться.

Ни долгие уговоры самой себя одуматься и забыть нашу яркую первую встречу, ни то, что парнишка младше меня на пару лет, не помогало.

Тянуло словно магнитом.

Но сильнее вымораживало извечное присутствие в его окружении девушек. Брюнеток, блондинок, шатенок, рыжих. Разных, но непременно красивых и ухоженных. И его снисходительный флирт, и скупые знаки внимания в их сторону. Не с целью покорить и произвести впечатление, вот уж чего от него никогда не замечала, а как подарок авансом претендентке на место в постели.

Тищенко с Черновым, к слову, от друга не отставали. Друзья не разлей вода, как же иначе. Вот и девушек они любили все без исключения. Много, часто и разных.

Но отношения всех троих к слабому полу даже со стороны разительно отличались. Если Султанов и Чернов вели себя надменно и даже нагло, не редко действиями показывая «куклам» свое истинное лицо, то Тищенко оставался таким джентльменом. Обходительным, улыбчивым, культурным и щедрым.

Не забуду один случай, когда мы гуляли с Аленкой по городу, и вдруг ей позвонил Сашка, тот самый Тищенко, с которым она успела сдружиться и обмениваться телефонами, когда меня уволок в закуток Султанов, и пригласил в боулинг, потому что ему вдруг стало скучно и захотелось компании.

Макарова же, недолго думая, тут же сослалась на меня и отсутствие финансов.

Тищенко ни секунды не раздумывал, велел хватать «храбрую подружку» в охапку и приезжать.

И... это был один из самых лучших вечеров. Организованный с бухты-барахты, он оказался легким, веселым и необычайно интересным. Я, кажется, так много и так счастливо никогда не смеялась. Не помню, как вышло, но в итоге Аленка, выпив пару коктейлей и высказав: «Фи! Мне мой маникюр дороже глупого катания шаров!», переключилась на какого-то паренька, строившего ей глазки из-за столика на соседней дорожке, и ушла общаться с ним к бару.

Мы же с Сашкой, настолько увлеклись болтовней, разговорами за жизнь и шуточным соперничеством в игре, постепенно переросшим в: «Смотри как надо!» или «Ой, а вот так

лучше никогда не делай!», что этого почти не заметили.

Мы веселились на пару, пили пиво, хохмили, подначивали друг друга, играли и совершенно теряли счет времени. Но, самое главное, все оставалось в рамках чисто дружеских отношений, без подводных камней и прозрачных намеков. Легко, на позитиве, в радость.

И это подкупало, потому что среди парней у меня никогда не было друзей. Не получалось. Ни до него, да и после тоже.

Но, если рассказывать последовательно, то с того вечера мы с Сашкой стали не просто здороваться, весело пожимая друг другу руки, но и могли похохмить прилюдно или уйти в сторонку от других, чтобы поболтать. Ни о чем и обо всем, потому что было легко и не приходилось подбирать слова.

А однажды Тищенко вообще отмочил. Подошел ко мне и парню, с которым я вроде как собиралась крутить любовь и предупредил: «Смотри, пацан, вздумаешь Машуню обижать, я тебя найду и голову отверну! Уяснил?», а потом подмигнул мне хитро и пошел спокойно дальше, насвистывая какой-то заводной мотивчик.

С мальчиком тогда у нас не сложилось, о чем я несильно печалилась, а вот к Сашке проснулись какие-то теплые сестринские чувства. Не после этого конкретного случая, а как-то постепенно, незаметно, но навсегда.

Когда смотришь на человека и просто хочется улыбаться. Светло, широко, от души. Потому что он для тебя вот такой особенный.

Хороший. Без причины.

Потому что так решило сердце.

Рингтон мобильного заставляет вздрогнуть и вернуться в любимый кабинет к любимой работе.

– Слушаю? – произношу в трубку, не посмотрев на дисплей.

– Привет еще раз, труженица, – заговорщическим шепотом произносит Кононова, – ты домой-то собираешься или с ночевкой?

– Собираюсь, – отвечаю на автомате и тут же спешу проверить время на мониторе.

18.15 – показывают часы, и я моргаю.

Ничего себе зависла в прошлом.

– Да, Катюнь, собираюсь, – повторяю более уверенно. – А что?

– Ну-у-у, – тянет та загадочно, – тогда по дороге в магазин заскочи, тортик купи. Мы к тебе вечером в гости придем.

Вот это сюрприз!

– Э-э-э... в гости... мы... – повторяю самое главное, стараясь разведать информации побольше. – А точно «мы», а не «я»?

– Точно-точно, – хмыкает вредная подруга, – та что покупай самый вкусный торт и жди.

Короткие гудки ставят точку в разговоре.

– А вот и мы, – объявляет Кононова и поднимает руку, шевеля пальчиками. – Привет! Заждалась?

На подчеркнутых ярко-красной помадой губах играет хитрющая улыбка, а в глазах танцуют черти.

– Ну, привет, коль не шутишь. Проходите, – хмыкая, шире открывая дверь.

Катюшка всплывает первая и тут же оборачивается к следующему за ней, как бычок на веревочке, молодому человеку. Высокому, тощему и немного смешному.

В отличие от расслабленной подружки незнакомец стоит, насунив брови и спрятав руки в карманы, что в сочетании с нацепленной на макушку торчком вязанной шапкой смотрится жутко нелепо.

– Машунь, знакомься! Это Петя, мой сосед. Петя, это Маша, моя коллега, – легко и непринужденно решает вопрос нашего с парнем знакомства Катюша и тут же хлопает в ладоши. – Так с этим выяснили, тогда следующее. Машунь, ты торт купила?

– Купила.

– Отлично. А чайник нагрела?

– Нет еще, сейчас поставлю, – взираю на командиршу.

– Вот и хорошо, что не грела. Петя будет чаевничать позже. У него пока дела, – озадачивает меня Кононова и оборачивается к флегматично взирающему на все происходящее молодому человеку. – Так, Чудаков! На Машуню даже

не смотри, у тебя сегодня задача очаровывать не ее, а вот эту подружку, – хлопает ладошкой по входной двери. – Проверь, что тут за личинка, и дуь в магазин, как договаривались.

– Э-э-э? – глубокомысленно выражаю своё недоумение.

На что получаю лишь отмашку подождать.

– И долг спишется? – не торопясь двигаться, уточняет Чу-даков.

– Спишется, Петя, спишется, – подмигивает Катюха. – Еще вопросы есть?

– Не-ет, – качает тот головой и сбрасывает с плеча только сейчас мною замеченный рюкзак. – Всё, дамы, чешите отсю-да и не стойте над душой.

Отдает команду, присаживается на корточки и начинает доставать инструменты: отвертки, рулетку и прочие мелочи.

– Вот и ладненько, – довольно потирает ручки Кононова и, подхватив собственный рюкзак за лямки одной рукой, а меня другой, утаскивает на кухню. – Так, Манюнь, не пере-живай, Петруччо - парень надежный. Все сделает в лучшем виде. Гарантирую.

– А что сделает-то? – задаю логичный вопрос, потому как дверь в квартире относительно новая, и никаких проблем с ней я не имела.

– Личинку поменяет, Маш. Чтобы чудо в перьях двуногое, которое зовется Кравцовым, не смогло сюда вернуться, когда захочет. А он захочет, как пить дать. Поверь тете Кате на слово. И я больше чем уверена, что ключи от дома ты у него

не забирала. Забыла же?

– Забыла, – киваю, действительно не подумав о такой мелочи.

– Ну вот, зато я подумала. И за деньги не переживай, Петька все бесплатно сделает, он мне желание проиграл. Карточный долг – дело святое.

– Слышишь, тётя Катя, – подкалываю подругу, раз уж сама себя так назвала. – Пойдем уже чай пить, деловая ты моя колбаса.

– Вот еще глупости. Чай пусть Петруччо пьет, как работу закончит. А у нас сегодня есть повод, чтобы вкушать шампанское. Праздник же, – с пафосом в голосе выдает Кононова и, развязав тесемки на рюкзаке, вытаскивает из него пузатую бутылку из темно-зеленого стекла. – Доставай фужеры, хозяйка, я пока торт порежу.

– Вино и торт? – приподнимаю брови в изумлении.

Странное сочетание режет слух. Ладно бы про фрукты шел разговор.

– Конечно. А что? Ни разу не пробовала? – хмыкает Кононова и довольно потирает ладошки. – Оооо, Манюнь, я тебя научу.

И действительно учит.

Ребята уходят от меня спустя пару-тройку часов, но прежде Кононова берет с меня еще одно обещание.

– Маш, помощь нужна, – начинает Катя, как всегда, изда- лека. – Приюти одного классного парня на недельку, точнее,

десять дней, а? Он, в отличии от твоего бывшего, к горшку и чистоте приучен и стопудово носки не разбрасывает.

– Парня? – переспрашиваю, медленно переводя взгляд на Петю, который, сменив замок, сидит и чувством собственного достоинства уплетает второй кусок шоколадного лакомства.

– Неее, не этого. У Чудакова дом есть, не переживай, – отмахивается подружка, проследив за моим взглядом. – Я про Семёна. Своего кота.

– Кота, – выдыхаю чуть спокойнее.

А то в голову какие только глупости не лезут.

– Ну да, – задорно кивает Кононова, – я же в отпуск со следующего понедельника иду, помнишь? Вот. Лечу к родителям на север, а Сёмку тащить с собой не хочу, но и оставить не с кем. Бабуля бастует и ни в какую не соглашается его приютить.

– Кать, я не кошатница, – пытаюсь откреститься от подозрительного соседства, да и еще такого длительного.

– Ой, не волнуйся, – отмахивается профессиональная манипуляторша, – корм и туалетный лоток с когтеточкой я тебе привезу. И не смотри на свой диван так жалостливо, ничего ему Семен не делает.

– А вдруг загадит? – подначиваю, уже понимая, что соглашусь.

– Побойся бога, Прохорова, он же не Вадик.

Выдает чудо-брюнетка, и мы на пару заливаемся смехом.

Глава 7

Вторник радует солнечной погодой. И пусть просыпаюсь по будильнику, чувствую себя бодрой, выспавшейся и довольной жизнью. Правда, когда отключаю музыкальное «треньканье», замечаю, что кое чего на экране не достает. А именно ежедневной утренней открытки «С добрым осенним утром!» от Аллы Борисовны.

А это, прямо-таки, не камень, а целый булыжник в мой огород.

Как только не-свекровь в марте освоила WhatsApp, так сразу превратилась в жуткого спамщика, заваливающего меня всяким хламом, точнее, «интересными» картинками и короткими видеороликами из тик-тока, без которых мой день однозначно был бы прожит зря. Переубедить этого не делать, так чтобы не поругаться, не вышло, и я смирилась. Тем более, улыбающийся смайлик в ответ ее вполне устроил, и большего не требовалось.

И вот наступает вторник... и вместе с ним затишье.

Подозрительное.

За первую половину дня, пока плотно занимаюсь формированием пригласительных писем на очередные соревнования, умудряюсь позабыть о тревожном «звоночке», но в обещанный перерыв приходится всё оперативно вспомнить.

Не успеваю дожевать бутерброд и допить кофе, как раз-

дается вызов от абонента «А.Б. Кравцова». Настойчивый такой вызов, который очень хочется проигнорировать, потому что заранее уже понимаешь, будут давить и поучать, но не можешь. Все равно ведь мозг вынесет, не по телефону, так еще и домой придет.

Нет уж.

Лучше пообщаться «на удаленке», принимаю тяжелое решение и с печалью в глазах откладываю надкусанную колбасно-сырно-хлебную прелесть на салфетку.

– Добрый день, Алла Борисовна.

Жизнерадостно приветствую не состоявшуюся свекровь.

Ну не рыдать же мне заранее, право слово.

– Добрый? – вопросительно хмыкает трубка слегка язвительным голосом Кравцовой. – Что-то я сильно сомневаюсь, что он добрый, Мария.

Ну, понеслось... Сейчас А.Б. действительно приложит все силы, чтобы доказать свои слова. Уж я-то ее неплохо изучила.

– А что так? Есть причины сомневаться?

Не собираюсь позволять себя задавить сомнительным авторитетом и нравоучениями из тех, что начинаются со слов: «А вот я в своё время...».

– А то ты не знае-ешишь, – тянет не-свекровь, сильно смахивая своим «шшшш» на кобру, готовящуюся к броску.

И не зря я так думаю. Не дождавшись от меня ни одной реплики, следует продолжение с наездом.

– Вадичка вчера пришел домой пьяным! Совершенно пьяным! Еле на ногах стоял. Хорошо еще, что прихожая узкая, он о стену держался, а так бы точно упал. И мне... мне пришлось его тащить на себе до спальни. Мария! Это ни в какие ворота не лезет! Я хотела тебе позвонить, предупредить, что сын дома, чтобы ты не переживала... Но... но... он мне такое сказал... Такое!

Боже ж ты мой, какой талант пропадает.

Флегматично вздыхаю, а потом тянусь за бутербродом. И тихо-тихо, чтобы не причмокнуть, делаю глоток кофе. А потом еще один. Пока Алла Борисовна закончит, он точно остынет. А мне жалко, вот еще добро выливать из-за алко-голика.

– Вот ответь мне, Мария, как ты могла выгнать мужа из дома в ночь?! – гневно вопрошает тем временем трубка.

И я чуть не давлюсь хлебной крошкой, попавшей не в то горло.

Кого?

Куда?

Когда?

Ох, ну ни фиги себе!

Нет, то что меня без меня замуж выдали, я смирилась. А теперь оказывается, что Кравцов где-то больше суток тусил и отжигал по полной, судя по состоянию нестояния, а виноватой выставил меня.

Красавчик. Что еще могу сказать.

– Совести у тебя нет! И сердца тоже! Вадичка всю ночь где-то ходил, мерз, пока ты спала в теплой постели. А все почему? Чтобы меня, мать, не волновать и не будить потемну.

Да чтоб тебя!

Сейчас разрыдаюсь от умиления.

– А пил он исключительно, чтобы согреться, – шиплю под нос, собирая услышанные факты воедино.

Хватит. Достала с глупыми обвинениями.

Решительно отодвигаю чашку подальше, делаю вздох поглубже и резко, чтобы меня слышали с первой попытки, чеканю:

– Ваш сын в субботу вместе с другом напился до поросячьего визга и вел себя агрессивно. Из-за этого мне пришлось сидеть весь вечер в ванной. Да, я попросила его уйти, и он это сделал. Но! ТРЕЗВЫМ. В воскресенье. В обед.

Минута тишины после того, как заканчиваю, вселяет надежду, что меня слышали и сейчас пытаются осознать все вранье любимого чада.

Однако...

– Ты мне никогда не нравилась! Высокомерная, вздорная хабалка с раздутым самомнением! – летят обвинения.

Да такие смачные, что я сижу и глупо улыбаюсь, узнавая о себе много нового.

– Тоже мне, кукла фарфоровая выискалась! Ни рожи, ни кожи, а строишь из себя прынцессу Несмеяну. Не пойми кто!

– Да нормальная я, – вставляю свои пять копеек, стараясь не рассмеяться в голос.

Вот же напросилась на сомнительные комплименты.

– Да какая ты нормальная? – взвизгивает Алла Борисовна и следующей фразой бьет явно прицельно. – От нормальных баб мужики не бегут.

А вечером звонит мамочка и добавляет веселья.

– Ну что там у тебя, Марусь? Очередной ухажер сбежал? – хмыкает она, несколько не расстроено.

– Уже доложила?

Сразу догадываюсь, откуда у сплетни ноги растут.

– А-то как же! Еще в обед позвонила, в самый переучет. Решила мне претензии выкатить по поводу неправильного воспитания дочери.

– Правда что ли? И как? Тебе очень стыдно за меня было? – задаю наводящие вопросы, хотя, зная мою родительницу, тут еще неизвестно, кого после беседы нужно жалеть и отпавивать валерьянкой.

Это моя мамочка с виду вся такая спокойная, гламурная и интеллигентная, но должность заведующей гипермаркета все же ее характер подкорректировала. На Галине Анатольевне где сядешь, там и слезешь.

Только об этом многие догадываются уже постфактум. К

их сожалению.

– Шутишь? Стыдно... мне... за умницу-красавицу? Да не дождется! За собой бы лучше следила, воспитательница недоученная. И за своим трутнем великовозрастным. А то только и знает, что собственного мужика затюкивать, да тебя поучать.

– Чувствую, мамуль, ты ей всё это и высказала... – закатываю глаза, даже не пытаюсь убрать с лица счастливую улыбку.

А что? Покажите мне того, кому неприятно будет, если за него родители горой встанут и в порошок всех обидчиков сотрут?

Я на это чудо погляжу. И пальцем потыкаю.

Вдруг мираж.

– О, поверь, не только это, но и много другое, – усмехается полностью довольная собою мама. И тут же оправдывается. – Нет, ну а чего она под горячую руку полезла? У меня и так настроение было «швах», потому что баланс не сходился, а тут еще она со своими песнями о главном.

– Ясно. Значит, ты ей показала, где раки зимуют, – подвожу итог.

Обвожу любимую квартирку внимательным взглядом и понимаю, что мне в ней совершенно комфортно и одной. По крайней мере желания возвращать Вадима не возникает даже спустя два дня.

– Скорее, задала вектор направления для ее Вадички. Тьфу! Прости господи, надо же было так нормальное имя му-

жику исковеркать. Кошмар! Потому такое говно и выросло, – делает вывод Галина Анатольевна на основе собственных умозаключений и услышанной от не-свекрови информации.

Не привыкла я родителям жаловаться. Ни к чему. Иначе моя мама, узнав всю правду, и в рукопашную пойдет. С нее станется.

– Ты, надеюсь, все вещи этого болезного собрала, чтобы даже не думал возвращаться? Нам такой зять нафиг не сдался, Марусь. Я этой Алле так и сказала. А то заладила: гражданский муж, гражданский брак. Какой, к черту, гражданский муж и гражданский брак, если он обычный сожитель? Да приживатель, – перескакивает родительница на любимую тему.

И я решаю, что хорошего должно быть в меру.

– Мамочка, всё собрала, не волнуйся. Все трусы и носки до единого. Даже те, что без пары остались, – шучу, чтобы разрядить обстановку. – Давай, я побегу на кухню. Хочу сегодня еще успеть шарлотку приготовить. Специально яблок купила.

Придумываю отмазку на ходу, потому что иначе разговор будет длиться еще час как минимум. А вот готовка на маму влияет положительно. Если дочка ест, значит, всё в порядке.

Хотя про яблоки – чистая правда. Купила.

– О, хорошая идея, Марусь. Пожалуй, я тоже на выходных что-нибудь испеку. Ты же приедешь к нам с папой? В субботу, например.

– Давай лучше в воскресенье к обеду, – быстренько меняю день. – Хочу в субботу поваляться и полениться.

– Договорились, – соглашается мамуля и «отпускает» меня, разрывая связь.

Глава 8

Среда проходит спокойно и беззаботно. С текущими делами на работе справляюсь быстро, домой ухажу вовремя и в отличном настроении.

А вечером действительно пеку шарлотку, потому что вдруг хочется чем-то себя побаловать. После выставляю на журнальный столик еще теплые кусочки пирога и большую пузатую чашку чая, заваливаюсь на любимый диванчик и включаю турецкий сериал, который давно планировала посмотреть, но всё время то руки не доходили, то телевизор был «занят» Вадимом.

И кайфую.

Боже ж ты мой, как я кайфую, исполняя простые желания себя-любимой.

А четверг преподносит очередной сюрприз.

– Маша, зайди ко мне, – произносит Соколов, как только поднимаю трубку внутреннего стационарного телефонного аппарата.

– Буду через минуту, – рапортую, уже взглядом отыскивая ежедневник.

Кажется, у Саныча созрела очередная «гениальная идея оживить массы», и он хочет поделиться и посоветоваться, – предполагаю причину вызова.

Но ошибаюсь.

– Мария Дмитриевна, знакомься. Это наш потенциальный будущий арендатор того самого помещения в Северном микрорайоне, договор по которому ты в понедельник готовила, Сулейман Тахирович.

– Просто Сулейман, – поправляет Султанов шефа, серьезно взирая на меня из-под темных бровей.

Тяжелый, почти немигающий взгляд медленно скользит по телу. Сверху вниз и обратно. Отмечает все без исключения детали: заалевшие щеки, глубокий вздох, побелевшие пальцы, с силой сжимающие ежедневник, которым я прикрыла грудь в неосознанном защитном жесте, сбившееся дыхание. И не стесняется демонстрировать, что увиденное его радует. Призрачная улыбка едва-едва касается краешков губ.

Да чтоб тебя, Султанов!

Какого ты опять нарисовался?

Сжимаю зубы, потому что вредные мурашки против воли уже маршируют не только вдоль позвоночника, но и там, где меня касается темно-карий с хитрыми искорками взор. Как же меня бесит, что я на него реагирую.

Не хочу. Вот не хочу и всё тут.

И не могу. Как лань чувствует присутствие хищника поблизости и замирает, так и я ничего не могу поделать с собственной настороженностью и нервным состоянием, находясь рядом с этим человеком.

Не приближаясь и не выдавая ни одним движением агрес-

сии, которые я могла бы истолковать как опасность, он все равно меня пугает своей силой, мощью и интересом, явным интересом, который не пытается прикрыть.

– Мы знакомы, – произношу хрипловато, обращаясь к Соколову.

Не собираюсь играть в игру «Давай притворимся, что ничего не было...».

– О, так это же прекрасно! – расплывается в довольной улыбке Саныч, явно истолковывая мои слова на собственный лад. – Тогда вам вместе будет даже проще сработаться.

Чего?

ЧЕГО? Работать? Вместе? С НИМ?

Забыв, что за мной пристально наблюдают, отступаю на шаг. Чем мгновенно показываю будущему потенциальному арендатору свое отношение к «гениальной идее руководства» и к нему самому.

Но мне всё равно.

Всё равно, что он видит мой страх, мою слабость, мое нежелание не то что с ним сотрудничать, даже рядом находиться.

Да пошел ты, Сулейман!

Прищуриваюсь и качаю головой, пристально глядя в темные омуты.

– Извините, это важно, – начальник отвлекается на внутренний звонок, прежде чем я раскрываю рот, собираясь отказать.

«Нет!» – демонстрирую жестом Султанову, чтобы не дурил и отыграл свое решение назад. Ведь он, к бабке не ходи, знал, заранее знал, с кем придется работать и дал «добро».

«Да», – кивает зараза в ответ, удерживая мой взгляд своим.

– Да, – беззвучно подтверждают губы его решение.

Мерзавец.

Последнее не озвучиваю, но если этот засранец-чемпион умеет читать по лицам, то явно угадывает мой посыл.

– Ну что, ребята, – громкий голос председателя комитета заставляет вздрогнуть и переключиться на него. – Звонил Шамшев. Сам зам губернатора дает добро. И даже готов выделить кое-что из бюджета, если понадобится приобрести дополнительное оборудование или провести дооснащение. Со следующего года стартует новая целевая программа по софинансированию из федерального бюджета молодых спортшкол. У нас есть все шансы в нее попасть. А это уже совершенно новый уровень, сами понимаете.

Соколов так и пышет энтузиазмом, довольно потирая руки. И я его очень даже хорошо понимаю и поддерживаю, вот только одна загвоздка не дает порадоваться от души. Та загвоздка, что вновь прожигает меня немигающим карим лазером.

– Мария Дмитриевна, все в твоих руках, голубушка. Леонид Германович в курсе, что ты будешь вести это направление и дает «зеленый свет». Так что действуй. Сейчас поез-

жайте с Сулейманом смотреть помещение. Дальше изучайте договор и составляйте наброски с предложениями в ФЦП... В общем, зачем я учу юриста, как работать с документами? Сама разберешься.

Кивает мне Соколов с таким видом, что четко понимаю: просить замену не вариант. Не поймет Саныч. Не поймет и не одобрит, потому что мой отказ воспримет не более чем как личный заскок и обиду, а не важный момент. На кону же стоит целый район и его будущее.

Забираю протянутые шефом ключи от здания бывшей спортшколы Вулаева и оставляю мужчин одних поговорить на дорожку. Сама же на негнущихся ногах иду к себе в кабинет, чтобы одеться.

Предстоящая поездка с Султановым совершенно не радует.

Да что там... пугает.

Надежда, что мы поедем на рабочей машине, разбивается вдребезги, стоит вернуться в приемную Соколова.

Егор Саныч пожимает Султанову руку, прощаясь, и поворачивается ко мне.

– Маш, Михалыч весь день в отъезде, так что вызови такси, а завтра этот вопрос закроем в бухгалтерии.

– Хор...

– Не нужно такси, я за рулем, – перебивает Султанов и

следом добавляет, — думаю, так будет быстрее.

— О, да, отлично, — меняет озабоченное лицо на расслабленное Соколов, — очень кстати. Тогда, Маш, сегодня на работу можешь не возвращаться. Какой смысл гонять туда-обратно через весь город, да и неизвестно еще, сколько вы там провозитесь. А ты, Сулейман Тахирович, будь другом, раз уж на машине, на обратном пути докинь Марию пусть не до дома, так хоть до центра. Лады?

— Без проблем. Конечно, докину, — произносит гроза моей нервной системы своим глубоким голосом, отчего я нервно сильнее сжимаю папку с документами, а Нина застывает с открытым ртом, забывая, что до этой минуты активно создавала образ очень занятой работницы, не обращающей внимания на присутствующих.

— Удачи, ребята, — благословляет нас Соколов, не догадываясь, как точно угадывает мои мысли.

Удача мне очень и очень нужна.

Идти впереди Султанова, когда спиной и не только ей ощущаешь взгляд, словно прикосновение, безумно сложно. Я моментально превращаюсь из гибкой молодой девушки в старую неповоротливую развалину с двумя левыми ногами, которые то не гнутся, то ни с того ни с сего начинают заплетаться. А в позвоночник, кажется, вогнали кол.

— Всё в порядке? — интересуется Сулейман, останавливаясь прямо за мной, когда притормаживаю на парковке, пытаясь определить на чем мне предстоит ехать.

Горячее дыхание мужчины обжигает затылок и будоражит нервные рецепторы, но дискомфорт от этого испытываю явно только я.

– Последняя, белая, – задает направление Султанов, легко угадывая мои сомнения, но обгонять не торопится. – Пойдем?

Прежде чем успеваю подумать, фыркаю и возобновляю движение.

– По какому поводу был твой показательный хмык? – тихо, почти интимно на ухо интересуется мой нервный раздражитель, когда я останавливаюсь рядом с пассажирской дверью Х6.

– Ожидала немного другого, – произношу честно.

– Дай угадаю, – все так же сохраняя минимальную дистанцию, продолжает Сулейман. – Вариантов было два. Большая черная зверюга, подчеркивающая образ жесткого, самоуверенного самца, то есть меня, или яркая низкая спортивная тачка, указывающая на истинную кобелиную натуру, опять-таки мою. Верно?

Смешок меня заводит мгновенно.

– А если и так? Разве хоть в чем-то я ошибаюсь по поводу тебя самого? – выплевываю, вздернув подбородок. – И отойди от меня. Неприятно, знаешь ли, когда трогают всякие посторонние.

– Я тебя не трогаю, Маш. Всего лишь проявляю учтивость, открывая дверь даме, – раздается совершенно спокойный от-

вет, – а то, что пола пальто тебя случайно задела, – кивает мужчина на распахнутую верхнюю одежду и действительно открывает мне дверь, пикнув сигнализацией, – так извини, этот момент не учел.

Чувствую себя идиоткой, закатившей скандал на пустом месте, потому опускаю голову, чтобы за распушенными волосами скрыть заалевшие щеки и ныряю в еще не до конца остывший салон. Мужской парфюм практически сразу касается носа, наполняет легкие. И вместо того, чтобы скривиться, я делаю еще более глубокий вдох.

Не только мужские руки являются моим фетишем, но и мужской парфюм. Правда, очень и очень исключительный. Не резкий, дерзкий и взрывной, а интригующий, слегка терпкий и ни в коем случае не оглушающий переизбытком ноток.

Аромат Султанова мне заходит. Сразу и насовсем.

И даже если сам мужчина вызывает раздражение и негатив, его руки и его туалетная вода привлекают.

– Что же касается машины, – продолжает несносный тип, занимая водительское кресло и заводя мотор, – эта модель среди прочих оказалась самой оптимальной, удобной и комфортной. Иных целей при выборе я не ставил, хотя нет, цвет априори хотел белый. Пристегнись, – резко меняет тему. И чуть прищурившись явно подначивает, – но, если пожелаешь, могу помочь.

– Нет, спасибо, сама, – резкими, дергаными движениями

вытягиваю ремень безопасности и со второй попытки защелкиваю его в запорный карман.

– Умница.

Меня одаривают легкой улыбкой, а потом все внимание водителя сосредотачивается на дороге.

Не могу не признать, мне нравится, как управляет транспортным средством Султанов. Плавно, размеренно. Без стартов с пробуксовкой, без рычания мотора и резких вдавливаний педали тормоза на светофорах. Полный контроль за движением мощного железного коня и окружающей обстановкой. Без попыток покрасоваться и произвести впечатление.

– Цветы понравились? – нарушает тишину в салоне Сулейман, когда мы покидаем центр города и сворачиваем на объездную трассу, чтобы объехать пробки.

– Тебе не стоило их присылать, – отвечаю по-своему, смотря исключительно вперед, хотя карий взор на щеке ощущаю.

Не хочу пересекаться с ним взглядами, да еще и в таком ограниченном пространстве. И не потому что вспыхну жаркими чувствами, а потому что вполне решусь врезать по морде. Наглой, самоуверенной кобелиной морде.

– И откуда у тебя мой адрес?

Вот что меня волнует сильнее прочего.

– Поверь, узнать нужную информацию в нашем городе совсем не проблема. Это же не Москва, хотя... и там этот во-

прос легко бы решился.

– Понятно, – киваю, совершенно ничего не понимая. И не выдерживаю. – Зачем ты вернулся из этой своей Москвы?

Хочу услышать ответ, потому что вот это очень подозрительное кружение акулы по имени Сулейман вокруг меня мне не нравится. Абсолютно. И пусть лучше я окажусь мнительной истеричкой, надумывающей то, чего нет, но выясню правду.

– А ты готова услышать честный ответ? – отвечает он вопросом на вопрос.

– Конечно, – не сдерживаю хмыканья и скрещиваю руки на груди.

– Из-за тебя, Маша, – звучит тихое и бескомпромиссное. Резко поворачиваю голову, ожидая увидеть насмешку, потому что то, что он произносит – это полнейший бред. И натываюсь на темный серьезный взгляд.

– Прекрати нести чушь, – срываюсь, повышая голос. – Я спрашиваю серьезно.

– А я серьезно тебе отвечаю. Султанов по-прежнему совершенно спокоен. И это бесит. Боже ж ты мой, как же меня бесит его спокойствие, самоуверенность и расслабленность, когда я сижу, как на иголках. Невыносимый тип.

– Я вернулся из-за тебя, чтобы навсегда закрыть наше прошлое. Но пока ты не готова услышать правду, я подожду.

– Что? Ты с ума сошел? Какое наше прошлое? Его нико-

гда не было. Слышишь? Нашего прошлого не было, ясно? А было... Да к черту! Правду мы оба прекрасно знаем! Так что иди ты, Сулик... а лучше уезжай к черту! – распаляюсь все сильнее и прикусываю щеку изнутри, чтобы не разреветься.

Ненавижу!

Как же я его ненавижу!

Отворачиваюсь к окну, делая вид, что пейзаж сильно заинтересовал и, слегка разомкнув губы, произвожу глубокие тихие вдохи и выдохи, стараясь восстановить потерянное самообладание.

Черт!

Я не представляю, как смогу работать с этим человеком и сохранять спокойствие. Пожалуй, стоит посетить аптеку и записать успокоительным.

Глава 9

В пятницу Соколов встречает меня чуть ли не с порога, прося сразу, как разденусь, зайти к нему в кабинет. Киваю и шмыгаю в свой закуток, чтобы снять верхнюю теплую одежду и переобуться.

В голове же, как разбуженный улей, кружат сотни мыслей по кругу. Начиная с той, что это просто рядовые вопросы, так как шефу интересно, что мне вчера удалось посмотреть, потрогать и внести в проект по переоснащению, до той, где Султанов звонит Санычу и жалуется, что я, такая-сякая, его бросила в спорткомплексе одного, наплевав на ключи и документы.

Ну, а как было поступить иначе, если нервы победили?

Не смогли мы долго поддерживать нейтральную беседу, как взрослые цивилизованные люди. Обсуждали-обсуждали рабочие моменты. И, на тебе, непонятным образом Сулейман вновь скатился в личное, а я не сдержалась, послала его в пешее эротическое и, нарушая логику, тут же сбежала сама.

– Егор Саныч, еще раз доброе утро, готова внимать и выполнять, – растягиваю рабочую улыбку, уверенно входя в кабинет шефа.

– Это хорошо, что готова, – с энтузиазмом потирает ладони тот, – давай садись, надо кое-что обсудить.

Мысленно выдыхаю. Раз начальство в настроении, значит,

пишки на мою голову отменяются, и пятница обещает быть приятной, тем более, что сегодня работаем за зарплату.

В течение получаса обговариваем все моменты, касающиеся организации нового открытого турнира по боксу, намечающегося через выходные, и разбегаемся.

А ровно в десять в мой кабинет стучится молодой человек, представляющийся курьером из цветочного магазина, и вручает новый букет. В этот раз в руках оказываются белые хризантемы, разбавленные сочными синими пятнами ирисов.

Красотища-а-а!

А арома-а-ат... божественный!

– Спасибо, – благодарю паренька, выискивая среди бутонов и стеблей записку.

Все же женское любопытство никто не отменял. А мое в последнее время вообще очень сильно гуляет.

А почему бы и нет? Вдруг не только у Султанова, но и у Кравцова где-то что-то перещелкнет, и он захочет извиниться за последнюю отвратительную пьянку или просто сделает мне приятное без повода. Мечты – мечты.

– Еще Вам просили передать вот это, – молодой человек убирает планшет с подписанным бланком в рюкзак, а из него вынимает розовую полупрозрачную пластиковую папку. Мою. Вчерашнюю. Забытую в поселке Северный. – Прощу.

А вот и «визитная каточка» дарителя, хмыкая про себя,

кивая вслед уходящему курьеру.

Отщелкиваю кнопку, чтобы убедиться: все документы на месте, и на стол вместе с бумагами выпадают ключи и записка.

«Привет!

Решил не заходить лично, а передать с посыльным, чтобы лишний раз тебя не нервировать))

Ниже написал перечень оборудования и инвентаря, его нужно внести в ФЦП, а в договоре отметил пункты, которые не совсем понравились. Обсуди с шефом.

Соколова я предупрежу.

Хорошего дня!

С.»

– И тебе не хворать, – буркаю под нос, гася желание скомкать лист и баскетбольным броском отправить его прямым в корзину для мусора.

Останавливает только то, что начальник явно попросит ознакомиться с запросом Султанова и его поправками. А значит, стоит вначале все это оформить в соответствии с нормами делопроизводства, а потом уж хоть рвать, хоть кромсать, хоть превращать в пыль.

За полчаса до начала обеденного перерыва по внутреннему звонит Катюша и просит заскочить в бухгалтерию.

– Распишись, – подмигивает подруга после взаимных приветствий и протягивает мне бланк со списком премируемых сотрудников, – как обещала, ты первая.

— Премного благодарна, — хмыкаю, рассматривая абсолютно чистый бланк с фамилиями, заверенный первым заместителем, и тут же подначиваю, — а танцы, какие ты там обещала? Лезгинку, кажется? Тоже изобразишь?

— А то как же! Непременно, — совершенно не теряется Кононова. — Кстати, на обеде я за тобой заскочу, пойдем прогуляемся по парку, заодно кое-что обсудим и кофе попьем.

Все происходит четко и последовательно по сценарию Екатерины. Без двух минут она появляется на пороге моего кабинета, а ровно в час мы обе уже одетые выходим из здания.

Погода радует солнечным погожим денёчком, отсутствием дождя и порывистого ветра. Потому неторопливо, нога за ногу, прогуливаемся по липовой аллее в сторону пруда, где запасливая подруга достает несколько кусков батона, завернутых в целлофан, и кормим пузатых уток. Чуть позже с комфортом устраиваемся в небольшом, всего на пять маленьких круглых столиков, кафе и заказываем по огромной чашке горячего шоколада и по три больших, обсыпанными сахарной пудрой пончика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.